

АЛЕКСАНДР ЗЕЛЁНЫЙ

АДРЕС НЕИЗВЕСТЕН

ТА

ТА

Александр Зелёный

Адрес неизвестен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70535224

SelfPub; 2024

Аннотация

Ночное такси, управляемое общительным водителем, перевозит самых разных пассажиров. Все они очень разные, но есть нечто общее в их историях: в них есть что-то странное и недосказанное. А за окном, под непрерывным дождем, возможно, скрывается совсем другой город, не такой, каким кажется.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1.	5
Глава 2.	17
Глава 3.	25
Глава 4.	32
Глава 5.	39
Глава 6.	47
Глава 7.	57
Глава 8.	70
Глава 9.	79
Глава 10.	91
Глава 11.	100
Глава 12.	110
Глава 13.	118
Эпилог.	126

Александр Зелёный

Адрес неизвестен

Пролог.

Лил проливной дождь. Вода потоком стекала по старенькому такси. Блеклые фары выхватывали из темноты фасад здания с потрескавшейся кирпичной кладкой. Ржавчина и модель машины говорили о том, что она возит пассажиров далеко не первый год. Желтый свет фонарей освещал островки старого, растрескавшегося асфальта.

Водитель сидел неподвижно, положив руки на руль. Дворники отсчитывали время, смахивая потоки воды в сторону. Их мерный стук и шум дождя – всё, что было слышно. Не меняя позы, водитель дотянулся до ручки и включил радио. Только шум помех. Он сразу его выключил и вновь положил руку на руль, скосив глаза на рацию, покрытую толстым слоем пыли.

Словно что-то услышав, он переключил передачу и такси рвануло с места. Перед машиной замелькали серые здания и пустые проулки.

Наконец на тротуаре показалась грузная фигура. Человек голосовал. Такси плавно остановилось возле него, стараясь не обдать брызгами клиента.

Глава 1.

На заднее сиденье плюхнулся грузный мужчина в дорогом костюме. Одежда сидела на хозяине, как на пугале: похоже, владельца больше интересовала стоимость костюма, а не его фасон. Несмотря на проливной дождь, пиджак и брюки практически не пострадали. Мужчина достал платок и стал протирать одутловатое, неприятное лицо. На толстых, как сардельки, пальцах блестели золотые перстни.

Водитель молчал и терпеливо смотрел на него через зеркало заднего вида. Пассажир продолжал вытираться, фыркать и вздыхать. Наконец он перестал и уставился на водителя, словно только сейчас его заметил.

– Едем?

– Да, – мужчина наконец-то отдышался и затолкал платок обратно в карман, – можем ехать.

Машина плавно тронулась с места, колеса зашуршали по асфальту, разметая воду.

С минуту пассажир молчал, продолжая внимательно смотреть на водителя. Затем он переключил свое внимание на салон. С нескрываемым отвращением он осмотрелся вокруг себя и постарался пересесть на максимально чистую часть сиденья. Толстые руки сложил на коленях, стараясь не прикасаться к засаленным ручкам. Взгляд он устремил прямо перед собой, в спинку переднего сиденья.

– Погодка, – неопределённо сообщил водитель.

Мужчина скосил глаза.

– Гм, да, погода. А я никак не могу вспомнить, куда дел свой зонт.

– Должно быть, хороший зонт?

– Еще бы, – гордо сообщил пассажир. – Двенадцать штук за него отдал! Такая вещь, знаете. Статусная.

Глаза водителя блеснули:

– Простите, а как я могу к вам обращаться?

Напомнив о своем статусном положении, клиент чуть ослабился и откинулся на грязную спинку сиденья.

– Анатолий. Анатолий Сергеевич. – Поправился он и дернулся вновь сесть на краешек сиденья, но вовремя остановил себя.

– Похоже, для вас статус имеет большое значение?

По встречной полосе с ревом пронёсся грязный грузовик, обдав такси потоками воды до самой крыши. В сполохах желтых фонарей таксисту показалось, что на костюме клиента виднеются тёмно-красные пятна, но через мгновение оказалось, что это тот же сухой, чистый и мешковатый дорогой костюм.

– О да, – с удовольствием ответил Анатолий, – ведь что наша жизнь без статуса? К чему все эти усилия, труды, если не можешь как следует насладиться их плодами? И крайне важно, чтобы остальные могли видеть эти результаты, знать о них. Оценить их. Тогда и вас самого оценят по достоинству.

Анатолий наклонился вперед, стараясь поймать взгляд таксиста.

– И вот тогда вам не придется работать таксистом в грязном такси, а сможете стать человеком.

Довольный своим тонким намеком, он вновь откинулся на спинку и с наслаждением посмотрел на водителя.

– Кем же вы работаете? – спросил таксист.

– О, у меня очень важная работа. Я начальник департамента планирования в городском архитектурном совете. От меня многое зависит, знаете ли. Страна развивается, всё пришло в движение. Важно, чтобы развитие было равномерным. Чтобы мы не бездумно сносили здания и строили бизнес-центры, но думали об инфраструктуре, думали о наших людях!

Водитель внимательно смотрел на него. Пассажир явно говорил давно заученными фразами, которые он не раз повторял на званных вечерах и пресс-конференциях. Этот толстяк продолжал извергать поток ничего не значащих слов, нисколько не заботясь, слушают ли его вообще.

– Должно быть, нужно много работать для такой должности? – сухо спросил водитель.

– Еще бы! Да вы знаете через что мне пришлось пройти, чтобы добраться до этой работы? Чтобы позволить себе зонтик за двенадцать штук? Где он, кстати, черт возьми...

– И он того стоил?

– Кто?

– Ну, ваш зонтик. За двенадцать штук.

Секунду Анатолий Сергеевич вновь непонимающе смотрел на водителя, сбитый с мысли. Он не привык, что поток умозаключений о его трудной судьбе кто-то прерывает.

– Зонтик... Да, Зонтик! Конечно, стоил! Дело ж не только в зонтике, бедолага! А девочки? А бухло премиум-класса? Тачки, дома? Ты это видишь только по телику и то знаешь, как это круто. А я это вижу каждый день!

Он с отвращением ещё раз осмотрел такси, словно только сейчас вспомнил, где он находится. Анатолий напрочь забыл о своих заученных речах и вываливал на таксиста свои искренние мысли.

– Чё, смотришь на обручальное кольцо? – усмехнулся Анатолий. – У меня ещё и двенадцать официальных детей!

– Ого.

– Вот тебе и «ого». Ты не подумай: я не бык-производитель. Большая часть – приёмные. Про статус многодетной семьи слышал? То-то. Тут тебе и льготы, и бесплатный автомобиль. Правда, он дерьмо, но всё равно – халява же. Да и пробиваться наверх так проще. «Ой-ой, пожалуйста, помогите нам, у нас одиннадцать ангелочков!»

– Двенадцать, – уточнил таксист.

– Ну да, двенадцать, – поправился пассажир.

– Кажется, вы редко с ними видитесь.

– А чего мне с ними видеться? Бабки у них есть. Няня есть. Ничего такая, кстати. Пару раз захаживал в её ком-

нату, знаешь ли. Главное что? Чтобы жена не отсвечивала. Тут главное тёлку правильную подобрать. Желательно страшенькую. Не совсем уж крокодила, это понятно. А то тебе еще с ней на официальные встречи топать. Ну, такую, знаешь. Простую. И чтоб пасть не раскрывала. А стояла тихонько и мычала, что велят.

Анатолий откинулся на сиденье, достал сигару и стал хлопать себя по карманам в поисках зажигалки.

– У меня не курят, – заметил водитель, не отрывая взгляда от дороги.

Пассажир его игнорировал, хлопал по карманам и причмокивал сигару, как младенец соску.

– Но лохушка и спиногрызы – это еще не всё, – он завалился на бок, стараясь выудить из брюк зажигалку. – Тут ум надо иметь! Мозги. Начинал-то я с самого дна. Тут подсидишь, там нашепчешь...

– Люди на таких постах, как ваш, должны улучшать жизнь людей, – напомнил водитель.

Анатолий отмахнулся:

– Не говори чушь. Давно там никто не хочет чужие жизни улучшать. Вот свои – это другой разговор. Или ты думаешь, в начальники идут, чтоб мир лучше сделать? Не, его хотят изменить только мечтатели. Титаны, попадающие наверх в Великие времена. А такие рождаются редко. И рано умирают, как правило. И, в конечном счёте, кстати, всё равно всё возвращается на круги своя. А обычно там сидят кто?

– Кто?

– Да такие, как я! Чиновники. Кто-то понаглее, кто-то почестнее. Но все туда попадают, просто шагая по карьерной лестнице: сначала ты маленький бюрократ, потом побольше, потом и кабинетик уже получше тебе дали, и должность по солиднее. Вот у тебя уже и машина с водителем. Вот и собственные просители появились, которые преданно, как щенята, смотрят тебе в глаза и конвертики подсовывают в карман. Ты же их не просишь даже конвертики приносить, а они несут. А потом уже и привыкаешь: и к конвертикам, и к водителю. И к Статусу. Но ты всё равно остаешься просто чиновником на тёплом местечке. Какое там улучшать жизнь? Ха! Клянусь тебе, ни у кого из моих коллег нет никакого представления, как хоть что-то изменить! Даже если бы захотели. Мир, знаешь ли, штука сложная. Попробуй разберись в этом клубке взяток и обманов, чтобы что-то изменить. Главное – вперёд двигаться, не оглядываться на всяких.

Он так и остался в полулежачем положении с незажжённой сигарой во рту и кивнул на водителя, подразумевая под ним «всяких». Водитель спокойно вёл автомобиль, изредка с любопытством глядя на клиента.

– Но к вам же приходят не только со взятками, верно?

– Конечно, – усмехнулся Анатолий, – вон совсем недавно заползает ко мне в кабинет старичок такой тщедушный. И как через приёмную пробрался? Мямлит, что, дескать, я распорядился школу перенести в старое здание, оно, мол, дале-

ко, деткам долго добираться. А я молча слушаю. Ждал, ждал, пока до деда дойдёт, что надо бы государственную машину чем-то смазать, но тот туп оказался, как пробка. Еле выпроводил: «Ваш визит так для нас важен», «лично прослежу», «найдем виновных» и всё в этом духе.

– Так как вы к этому пришли, Анатолий Сергеевич? Прямо с самого детства мечтали стать главой департамента планирования архитектурного совета?

Отвратительная ухмылка пропала с лица пассажира, и он на мгновение оторопел. Даже сигару мусолить перестал. Кажется, он пытался что-то вспомнить.

– Гм, нет, конечно, – он сел ровно. – Конечно не мечтал. Я... Я уже и не помню о чем мечтал. Какая разница?!

Он вдруг разозлился, затолкал сигару обратно в карман и зачем-то отряхнул пиджак.

– Ну как какая разница, – ровным голосом ответил водитель, плавно входя в поворот. – Мне вот интересно, о чем мечтают в детстве такие успешные люди. Тоже ведь хочу стать человеком. Сам-то уже не смогу, это понятно. Но, может, хоть детям своим передам.

– Лучше не надо, – глухо ответил Анатолий, уставившись в окно.

За стеклом пролетали темные, неказистые постройки. Похоже, какие-то склады. Возможно, один из тех складов, на которые он за конвертик давал разрешения, сметая с лица города скверы, парки и детские сады.

– Лучше просто любите их, – продолжил он, словно собравшись с духом и выуживая из памяти что-то давно забытое. Что-то, что он затолкал в самую глубину своей души, надеясь, что оно оттуда никогда не выберется.

– Конечно, не об этом мечтал, – повторил Анатолий.

– А как же вино, девочки? Зонт?

Анатолий отмахнулся:

– Да какой, к черту, зонт? Кто в детстве мечтает о зонтах? Каким тогда мир был чистым, а? Тогда ведь все верили, что мир такой добрый и светлый. Такой искренний.

– И вы верили?

– Конечно! В детстве ведь все такие хорошие, такие добрые! Никто ж не рождается подонком или взяточником. Таким нас мир делает. А мы потом подхватываем эту грязь и тащим ее дальше. Марая себя и всё вокруг, день за днём. А ведь я не был плохим, честно говорю. Да, был полным. Но это ж не повод было надо мной издеваться, правда? Всю жизнь меня обижали! А девчонки? Думаете, я испытал первую любовь? Да черта с два! Кому я нужен?! Я не видел любви в этом мире. Только бабло. А вот за бабло я уже получал всё, что мне угодно.

– Получили любовь за деньги?

– А может, это и любовь, – возразил Анатолий, мотнув головой, – откуда я знаю? Другой я не видел.

Колесо машины провалилось в яму, и такси с грохотом подпрыгнуло. Водитель крутанул руль и авто вернулось на

полосу.

– И ведь если бы хотя бы дома меня ждала любовь, – продолжал Анатолий, – я сейчас вспомнил: я мечтал быть инженером. Или лётчиком! Да! Я помню: часами мог клеить модельки. Представлял, что я сижу за штурвалом и мне видно весь мир. От края до края. Или представлял, как мой самолет взмывает ввысь, а я стою в окружении журналистов, и все поздравляют меня. Какой замечательный самолет, кричат они! Это революция! Вы – новый Микоян!

Он замолчал. Дворники мерно отсчитывали время, сметая литры грязной воды. Водитель тоже молчал, крепко сжимая руль двумя руками. Кажется, он слегка сбросил скорость. Анатолий продолжал смотреть в окно, иногда набирая в грудь воздуха, собираясь продолжить разговор, но никак не мог решиться на это. Он снова и снова отряхивал идеально чистый пиджак.

– А вечером приходила мама, – продолжил он, – я хватал модельку со стола и со всех ног нёсся к ней. Чтобы она увидела. Чтобы она поделила мою радость. Мои мечты. Господи, да почему мы вообще об этом говорим?!

– И что говорила ваша мама?

– А ничего не говорила, понятно?! Ни-че-го! – Анатолий устало плюхнулся на сиденье. – Всегда занята была мама. Причём занята – это по её мнению. То телик, то бухнуть, то поспать, то поработать. Когда я стал старше, она уже и не скрывала, что никто меня не хотел. Что просто так получи-

лось.

Отцу тоже было плевать. Вернётся, даст денег и опять пропадёт. А ведь я держался! Правда держался. Я не помню в себе тогда ни злобы, ни тщеславия. Я правда думал, что добротой однажды поборю всю эту злость, весь этот мрак. Но нет. Побои, насмешки, равнодушие – всё это не прекращалось ни на день. И я стал платить миру той же монетой.

Сначала просто не ждал от людей хорошего. Потом я стал их ненавидеть. И понял, что с бабками я решу все свои проблемы. Беда только в том, что особого ума у меня нет. А вот хитрости я научился. И стал лгать, предавать, изворачиваться.

Меня и бандитом-то нельзя назвать. Слишком трусливый. Не представляю, что бы со мной было, попади я в тюрьму. Но взятки беру с удовольствием. У-у-у, в этом деле я профи! Недавно особенно крупная рыба попалась. Слышал про «Премииум Плаза»? Который заместо парка строят? Из-за моей подписи строят, – почему-то Анатолий сказал это без привычной гордости. – В этот раз бабла побольше попросил, надоело делиться. Надо ж расти, верно? Оно ж как происходит: приходит человек и конвертик тебе. А ты только головой мотаешь и ручками разводишь. Мол, больше надо.

– Вот так просто? Никакой конспирологии? Шпионских штучек и камер хранения на вокзале? Никаких борзых щенков?

Анатолий махнул рукой:

– Это оставь фильмам и книжкам. Главное – нужным людям отстёгивать. Ну, в этот раз, конечно, проситель глазками сверкнул, да и хрен с ним. Что он мне сделает? Всё на мази давно. Черт, да в чем таком я извалялся в твоём такси?!

Анатолий вертелся, стараясь разглядеть несуществующую грязь на груди.

Водитель чуть прищурился и посмотрел на пассажира. На груди клиента, кажется, вновь показались тёмно-бурые пятна. Как в начале поездки, в всполохах света фар проезжающего навстречу грузовика. Таксист прибавил хода.

– И вы хотите того же своим детям? Ладно, прямо ваши дети, но приёмным могли бы достаться, вместо вас, родители с... Гм... Другими ценностями.

– Зато им всегда есть что кушать, – усмехнулся Анатолий, на секунду перестав вертеться, – а так... Конечно, не хочу, чёрт возьми! Я всё куда-то бегу, стараюсь ухватить побольше. Но ради чего это всё? Если подумать, счастливее за эти годы я не стал. Может, жить стало комфортнее, это правда. Но счастливее – точно нет.

А Марина? Она ведь меня по-настоящему любит, дурочка. Ну, любила, по крайней мере. У меня же есть все возможности, чтобы сделать их жизнь лучше! Как я раньше не допёр! Денег-то уже наворовано с лихвой! Можно купить домик: мы все там поместимся. Мои счета в офшорах, которые я хотел попользовать, когда избавлюсь от семьи, их хватит и на учёбу детям, и на спокойную жизнь. Может, еще не позд-

но, а? Хотя бы попробовать? Вдруг я разорву этот круг? Они ведь на самом деле такие славные, мои малыши. Они...

Такси резко остановилось. Анатолий чуть не свалился с сиденья и непонимающе уставился на водителя.

– Приехали, – хмуро сообщил таксист, обернувшись к нему.

– Но...

– Приехали, – повторил он, отвернулся и положил обе руки на руль.

Глава 2.

Фигура скрылась за пеленой дождя. Убедившись, что никого нет, водитель достал сигарету и с наслаждением закурил. Сизый дым клубами уходил к потолку, тщетно пытаясь выбраться из такси. Включенные фары освещали насквозь проржавевший рекламный стенд, рассказывающий о прелестях отдыха на тропических островах.

Он выбросил недокуренную сигарету и такси вновь тронулось с места. За окном тянулись угрюмые дома, во всех окнах было темно. Дождь как будто бы стал тише.

Такси ловко остановилось возле голосовавшего. Дверь открылась, и внутрь залез крепкий парень средних лет. Мешковатая куртка цвета хаки не скрывала развитую мускулатуру. Штаны такого же цвета, ниже колен, были сплошь заляпаны грязью. Парень уперся руками в сиденье.

– Шеф, трогай!

Водитель кивнул, и такси рвануло с места так, что парня вдавило в сиденье.

– Э, поаккуратней, алё! Не дрова везёшь!

– Простите.

– Простите, – съязвил парень. Он устроился поудобнее. – Ты, между прочим, ветерана везёшь! Прояви чуточку уважения!

Парень протянул руку.

– Я Джон.

– Дорога, – водитель кивнул на свои руки, положенные на руль, – так вы участник боевых действий?

– А то, – гордо ответил Джон, – я ж не один из этих крысёнышей! Которые бегают чё-то, скулят. Прячутся!

– Доброволец, – понимающе кивнул таксист.

Он прибавил скорости, такси взревело и рвануло вперед, разметая брызги воды, словно катер. Желтые фонари за окном слились в сплошную полосу. Старенькая машина стала угрожающе покачиваться.

– Нет, – с неохотой ответил пассажир, – меня это, призвали.

Джон тёр ноги в районе ступней. Кажется, он совсем замёрз, пока ждал такси. Водитель внимательно посмотрел на него. Машина замедлила ход, вошла в поворот и уже не разгонялась.

– Братан, я как бы не спешу. Можно так не гнать, – с нервным смешком сказал Джон и устроился поудобнее. – Короче, да, призвали меня. Не, ну а чё? В армии я в десанте был, страну нашу люблю. А раз надо, значит, надо, верно?

– Гм, – ответил водитель, – а до войны чем занимались?

Джон заметно расслабился и вальяжно развалился на сиденье.

– Вообще-то у меня свой бизнес. Ремонты, знаешь ли. Трубы, потолки. Всё по высшему разряду. Тебе не надо, кстати?

Водитель отрицательно мотнул головой.

– Точно? Ну ладно. А то смотри – мы всё чётко делаем.

Без косяков.

– Так вы сами и работаете?

Джон чуть замялся.

– Ну, типа, да. Понимаешь, щас заказов немного, так что проще самому делать. Да и выгоднее так, правда?

Водитель усмехнулся. На все свои заключения пассажир требовал подтверждения своих слов. Как будто сам не был уверен в своей правоте. Джон поморщился и вновь ощупал ноги.

– Ну а кроме работы? Какие у вас ещё увлечения? – Водитель стал коситься на рычаг коробки переключения передач, подумывая прибавить скорости.

– Спорт, конечно! – фыркнул Джон. – Какой настоящий мужик спорт не любит? Вообще, я с детства спортом увлекаюсь. Знаешь, бокс, плаванье там. Всяко интереснее, чем за учебниками сидеть. И от тёлок никогда отбоя не было. И в жбан можно дать кому-нибудь, чтоб это, уважали чтоб.

– Кто уважали? – не понял водитель.

– Да все! – ни на секунду не задумываясь, ответил Джон. – Вот, например, надо тебе по учёбе что – ботанику промеж очков дал, и глядишь: у тебя уже все ответы на руках. Или, например, с пацанчиками стоишь, чилишь, и глянь: хмырь какой-то с нормальной девочкой идёт. Ну, попрессуешь его чуток, он и слиняет. А девочка-то останется.

Джон закинул руки за кресло и с облегчением вздохнул. Широкая грудь вздымалась, под курткой перекатывались могучие мускулы.

– Должно быть, много тренировались для такой формы, – безучастно сказал водитель, не отвлекаясь от дороги.

Джон поморщился.

– Да не. Я это, от рождения крепкий. Бывало, приходишь в зал заниматься, а там эти доходяги часами тренируются, чтоб как я стать! Или жиробасы эти.

Джон махнул рукой. Видимо, на жиробасов. Он чуть склонил голову и со снисхождением посмотрел на водителя. Вообще, мало кто слушал его хвастовство о собственной жизни, а в таксисте он нашёл благодарного слушателя.

– Так что всё чётенько у меня, – подытожил он и сложил руки «в замок», зажав их между колен. – Работаю на себя, жёнка – красавица у меня, сын. Рыбалка, машина, все дела. Вон недавно хату новую взял в кредит. Щас с войны вернусь – тебе и почёт, и слава, и льготы. Сына тоже норм воспитываю, чтоб слюнтяем не вырос: бокс там, все дела.

– Не страшно на войне?

– Кхе, – Джон вновь закинул руки за сиденье. – Я чё, потвоему – ссыкло? Это пусть они нас боятся!

Водитель быстро взглянул на него и его глаза блеснули.

– Почему не пошли добровольцем?

Джон осёкся и вновь сел ровно. Затем поморщился и потер ступни.

– Дык это, не призвали тогда ещё. Чего впереди паровоза бежать? Не нужен я им был тогда, значит. Да и сам понимаешь: война, там же неизвестно, как сложится. А я хочу посмотреть, как сын растёт. Я ж не за себя боюсь, а за то, что он без меня тут будет, понимаешь?

– У других солдат тоже есть сыновья, – заметил водитель. – И у тех, кто пошел добровольцами. И они тоже наверняка хотят увидеть своих детей.

С минуту Джон непонимающе смотрел на него. Он даже побагровел. Водитель прямо физически ощущал, насколько тяжело пассажиру дается мыслительный процесс.

– Ну и страшно немного, – наконец ответил Джон. – Тут же как: одно дело – на День Независимости бухнуть под салют, а другое дело – того, под пули идти.

– Не всё в жизни дается легко, – понимающе кивнул таксист.

– А? Да, прям не всё! Тут ты прав. Знаешь, а я ведь теперь стал понимать всех этих ботаников, которых чмырил в школе. Когда тебе страшно, обидно, а сделать ты ничего не можешь... – Джон помолчал. – Это мне всё легко давалось. Телосложение, девчонки. Вся молодость так прошла. Короче, по-настоящему напрягаться никогда не приходилось.

– Ну, у вас свой бизнес, – подбодрил его таксист.

Джон отмахнулся.

– Да какой там бизнес. Ерунда. В день-то нормально получается по деньгам, да только сколько таких дней в году?

Это только кажется, что всё прям на мази. С кредитом и машиной предки помогли. Да и сейчас помогают, кстати. Всегда гордился, что у меня жена – первая красавица на районе. А что толку с этого, если нам с ней поговорить не о чем? Мы совсем разные с ней. Так что все наши разговоры – это ссоры и ругань. А отдых? Друзья, рыбалка – они ж не со мной дружат, им просто бухнуть с кем-то надо.

А сын? Я как-то не задумывался, но он же туп, как пробка. А чему я могу его научить? Что я сам умею-то, если всё мне доставалось готовеньким?

Водитель безучастно пожал плечами и чуть сбавил скорость. Джон теперь морщился, не переставая, и постоянно тёр ноги. Таксисту показалось, что грязь на штанинах имеет красноватый оттенок.

Джон обессиленно развалился в кресле и вздохнул.

– А на войне я понял многое. И я не про патриотизм. При чем патриотизм настоящий, а не про пьяные вопли под салютом. Я стал понимать других людей. Понимать, что по ту сторону такие же люди, как я. Что им тоже больно, страшно.

Помню, мы как-то в село вошли. Враг отступил, ну а мы стали осматриваться. Знаешь, недобитков искать, схроны там, может, ценное что. И вот слышим писк из подвала. А дом разрушен совсем, даже не подлезешь. Мужики сначала забить хотели: писк явно не человека, а из-за зверюги камни тягать неохота. Ну а во мне что-то щелкнуло. Стал разгребать. Мужики помолчали, да стали помогать. Через пол-

часика камни раскидали и оттуда мальчишка вылез, чумазый весь, еле на ногах стоит, худющий. Лет десять ему было, наверное. А на руках у него котёнок, крошечный совсем. Мальчишка его обнимает, будто боится, что мы отнимем. У обоих глаза серьёзные-серьёзные! Ничего в них от детства не осталось.

Потом оказалось, что эта парочка в подвале три недели сидела. Тогда село утюжили – будь здоров! Без еды, в темноте. Мальчишка говорил, что из щели вода текла. Так вот он её в ладошки набирал и пил. И котёнка своего также с ладошек поил. У меня аж сердце чуть не разорвалось: мой-то почти его ровесник!

Три недели в темноте с котёнком! Можешь себе представить? Это сколько силы, сколько воли в этом мальчишке! Я тебе точно говорю: я в этой жизни не знаю ни одного человека, который на такое способен. Ни один солдат, ни один генерал не обладают такой силой. И все наши завоевания, все наши победы или проигрыши не стоят того, чтобы эти два малыша медленно погибали в грязном подвале, а не дуррачились на заднем дворе.

А еще я понял из-за войны, что если человек слабее меня – это не значит, что над ним надо смеяться. Любой может оказаться гораздо сильнее тебя, даже котенок или инвалид! Быть может, ему в этой жизни пришлось выдержать гораздо больше, чем мне. А ведь ему тяжелее, гораздо тяжелее делать даже самые простые, для меня, вещи. Мы все в неравных

условиях, это правда. У кого-то деньги, у кого-то здоровье. А у кого-то ни того, ни другого. Так и что же, он не человек теперь, что ли?

– Не зря вы хотите вырастить и воспитать сына, – хмыкнул таксист и посмотрел на спидометр.

– Да, сын... Он ведь этого не понимает. Да я и сам это понял только сейчас! Бокс – это классно, конечно, но важно понимать, что это не всё. А ведь для того, чтобы понять, так мало надо! Простая доброта, простая помощь другому человеку. Вода, собранная в чумадые ладошки, гораздо сильнее миллиона долларов на благотворительность, которую платит миллиардер. Даже простая улыбка, в конце концов! Я, как вернусь, обязательно ему всё объясню, всё расскажу. Черт, до чего же ноги болят... Он ведь может стать лучше меня! Мне-то просто везло, а так, если подумать...

– Приехали.

Джон осёкся. Водитель смотрел прямо перед собой, положив руки на руль.

– Уже?

– Уже. Приятно было познакомиться.

Глава 3.

В такси, с трудом, забралась бабушка и со вздохом облегчения опустилась на сиденье. На ней было широкое старомодное платье. На плечах лежал шерстяной платок, она небрежно смахнула с него несколько капель дождевой воды. Седые волосы собраны в аккуратный пучок. Глаза, на удивление яркие и живые, источали доброту. Доброту взрослого, который с улыбкой смотрит на последствия детской шалости. Она еще раз вздохнула и сложила руки на коленях. По такси стал растекаться лёгкий запах приятных духов. Запах напоминал о детстве, солнечных летних днях и о домашнем печенье.

– Можем ехать? – аккуратно спросил таксист.

Старушка улыбнулась.

– Конечно можем ехать, дорогой, конечно. Зовите меня Инесса, пожалуйста.

Водитель кивнул и аккуратно тронул с места. Машина неспеша поехала через тьму улиц, очерченных желтым светом фар их такси и фонарей.

На лице Инессы оставалась лёгкая улыбка. Она с живым интересом осматривала такси, смахивая крошки с сиденья и стараясь протереть ручки. Убедившись, что большего для очистки такси она сделать не сможет, удовлетворённо вздохнула. Её живые глаза отыскивали взгляд водителя в зеркале

заднего вида.

– Тяжёлая у вас работа. Важная.

– Бывает и хуже, – уклончиво ответил водитель, стараясь вести машину как можно более плавно, – и важнее.

Инесса вновь улыбнулась и вздохнула с лёгкой грустью.

– Ах, вы правы. Мой сын, например, разрабатывает детские лекарства. Что может быть прекраснее и нужнее? Но я не хочу вас обидеть: ваша работа тоже важна, в этом не стоит сомневаться.

– А вы? Кем работали, пока не вышли на пенсию?

– О, моя работа не настолько важна, уж поверьте, молодой человек. Но она мне нравилась и я считаю, что благодаря ей я принесла своей жизнью столько пользы, сколько вообще могла принести. Я работала медсестрой.

– Это правда нужная работа, – согласился водитель.

Такси остановилось на перекрёстке. Мерно мигающие желтые сигналы светофора выхватывали из тьмы мокрый асфальт. Перед их машиной пронёсся автомобиль с покорёженным капотом. Выждав с минуту, таксист плавно нажал на газ.

– Да-да, – кивнула Инесса, – видите ли, я хорошо знакома с медициной с детства. Мой папа был военным, о, как он меня любил! Добрее человека не сыскать вам, точно говорю. Ну разве что мой муж. Он умер два года назад. Такая потеря! Я так по нему скучаю. Мы прожили вместе пятьдесят лет, можете себе представить?

– Большой срок, – сказал водитель.

– Ещё бы! О чём я говорила? Ах да, о врачах. Я с детства много болела. Не до инвалидности, конечно, но учиться мне было тяжело: память часто подводила и пропускала много. А из-за папиной работы мы часто переезжали: новые классы, новые учителя. Тут и без всяких болезней будет трудно. То вроде получше становится, тогда получается учиться. То опять заболела и много пропущу. И так всегда. Папа убеждал меня бросить учёбу, но кое-как девять классов я закончила.

– И что потом? – с интересом спросил водитель.

Старушка всплеснула руками.

– А потом я влюбилась в медицину! Я столько увидела прекрасного, пока лежала в госпиталях. Вы когда-нибудь видели, как маленький ребёнок вновь начинает дышать? Как начинают светиться заплаканные лица его родителей? А как маленькая девочка бежит к своей проснувшейся маме? Хотя ей все говорили, что мама теперь всегда будет спать?

Водитель смотрел на Инессу с нескрываемым интересом. Кажется, будь его воля, он остановил бы машину и слушал пассажирку.

– Ну и, конечно, я влюбилась во всё это. Ещё подростком я возилась возле медсестёр и старалась помогать. А когда папа записал меня в библиотеку, меня было за уши не оттащить от книг! Жалко, что медицинских книг в библиотеке военного городка было немного, но я зачитывала их до дыр!

Ясно дело, что с моей памятью я не могла стать врачом. Но

я старалась быть полезной. Сначала только подавала шприцы и бинты. Но потихоньку мне стали доверять и работу посложнее. Я стала настоящей медсестрой! Я даже ездила в экспедиции!

– Ого.

– Да-да, молодой человек, в экспедиции, – в словах Инессы не было и капли самодовольства. – Ах, как мне было жалко тамошних детишек! Такие худые, с такими взрослыми глазами! Я плакала ночами напролёт, так мне было их жаль! Но я старалась им помогать. Сделала всё, что только могла.

– А муж не боялся вас отпускать?

– Мой муж... Мой дорогой муж, как я скучаю! Ах, хорошо, что я еду к тебе и мы скоро увидимся, – она запнулась и с силой потёрла лоб. – Ой, что это я? Извини меня, голубчик, память подводит меня иногда: восьмой десяток всё-таки. Это вам, молодым, возраст кажется шуткой! О чём это я? Ах да! Конечно, он отпускал меня. Как мы любили друг друга! Сколько семей разбивалось вокруг нас, а мы никак не могли взять в толк, почему люди так поступают? Почему бросают любимых?

Водитель в ответ неопределённо двинул плечами.

– Так что в экспедициях я жалела только о том, что его нет рядом. Но он не переживал за меня, нет. Я ведь не одна там была. Со мной всегда были прекрасные люди. Они тоже любили своё дело, такие радостные, такие крепкие!

Помню, мы ехали по горной дороге на большом грузови-

ке. А в горах, знаете, как бывает: пройдёт ливень, и маленький ручеёк растекается в огромную реку, которая тянет целые валуны за собой! А уже через несколько часов – опять просто маленький ручеёк. А мы ехали как раз после такого дождя. Вот мост и снесло. Крепкие мосты там не строят: всё равно снесёт водой. Так что все вышли из машины. Склон был пологий, такая, знаете, мелкая галька на нём, даже не камень и не песок.

И вот надо было по склону спуститься, перейти ручеёк и подняться на ту сторону. Мужчины быстренько спустились вниз. А я-то, дурочка двадцатилетняя, в легком платье и на низких каблукках! Ахаха. И как спуститься? Галька сыпется прямо из-под каблуков. А ребята наши стоят внизу и смеются, глядя на меня. По-доброму смеются, как папа смеётся над ребёнком.

Таксист взглянул на пассажирку. Глаза его смеялись. В них был странный блеск.

– А меня почему-то такая обида взяла, – продолжала Инесса. – Так мне себя стало жалко. Я села прямо на гальку и разревелась. Ну тут водитель наш поднялся обратно ко мне, перехватил меня через плечо и легко спустил вниз, как бурдюк! Ахаха.

Инесса легко смеялась. Ее глаза горели жизнью, она заново переживала все те события на горной дороге, когда они спешили в аул, охваченный вспышкой холеры.

– Так значит, вы ни о чём не жалеете? Довольны своей

жизнью? – таксист продолжал смотреть на нее с интересом.

– А о чём мне жалеть? – пожала плечами Инесса. – Я прожила прекрасную жизнь. Нужная работа, прекрасный муж, четверо детей. И семь внуков, между прочим. Как я их люблю, вы бы знали! Так жаль, что я их редко вижу. Но я понимаю: у них мало времени. Редко приезжают ко мне. Но когда приезжают... О-о-о, для меня это настоящий праздник.

Она расправила платок и аккуратно сложила его заново, убедившись, что он лежит на плечах идеально ровно. Затем вздохнула и стала смотреть в окно. Водитель продолжал всматриваться в её лицо. Ни тени печали или тревоги. Только лёгкая грусть, оставшаяся от воспоминаний.

– Так в чём же секрет?

– Секрет? – не поняла Инесса. – Какой секрет?

– Секрет счастливой жизни.

– А вы разве ещё не поняли, молодой человек? Нужно быть в мире с собой, быть честным с самим собой. Жить для других, брать мало, а отдавать много. И вот тогда в вашей душе будет мир и идти по жизни вы будете легко. Ничто не будет тянуть вас назад.

– Ну а если вам нужно держать ответ не только перед собой, а перед Богом? – возразил таксист.

Инесса широко улыбнулась.

– Бог у каждого в душе, разве вы не знали? И если ваша душа в покое, если не терзается ничем, то, значит, и перед Богом вам стыдиться нечего. Неужели Он не оценит ваши

благие дела?

Такси остановилось. Водитель повернулся к ней, обхватив правой рукой сиденье.

– Мы приехали. Вы уверены, что вам сейчас сюда?

Инесса улыбнулась и наконец отвернулась от окна.

– Конечно. Что мне там позади? Там я уже сделала всё, что могла. Пора отдохнуть. Так что запомните, молодой человек: деньги и власть для нашей скоротечной жизни – ничто. Вы не заберёте их с собой.

– А что же заберу?

– Улыбки. Детский смех. Солнечный свет. И радость ребёнка, бегущего к проснувшейся маме. Прощайте, молодой человек.

Глава 4.

Он откинулся на спинку, оставив правую руку на руле и стал легонько барабанить по нему пальцами. Лево́й задумчиво тёр щетину. Таксист вспоминал разговор с пассажиркой и улыбался. Наконец, он мотнул головой и машина вновь поехала сквозь дождь и тьму.

Дверь открылась и внутрь забралась бойкая девчушка лет трёх. Она весело подмигнула водителю. Тот усмехнулся. Девчушка стала карабкаться по сиденью, стараясь определить идеальное место для поездки.

Следом села молодая женщина, очевидно, мама девчушки. Красивые светлые волосы ниспадали на простую белую футболку. Большие голубые глаза были влажными и покрасневшими – похоже, их обладательница часто и много плакала.

– Что нужно сказать? – глухо спросила мама.

– Здрасте! – радостно воскликнула девочка и, наконец, плюхнулась на сиденье. – Я Луа! А это моя мама! Её зовут Джесси!

Джесси поморщилась.

– Пожалуйста, не кричи так, зайка.

– Всё в порядке, – улыбнулся водитель.

Он отвернулся и такси вновь тронулось с места. Девочка принялась дышать на стекло и рисовать пальчиком смеш-

ные рожицы. Джесси тяжело вздыхала и не знала, куда деть взгляд. Её явно что-то беспокоило.

– Не холодно? – участливо спросил водитель, взглянув на Джесси. – Включить печь?

– Не-не, не надо! – тут же крикнула Луа, не отрываясь от рисунков. Мама улыбнулась и потрепала дочку по голове.

Какое-то время они ехали молча. Джесси продолжала смотреть сквозь пространство, мыслями она была далеко. Луа закончила с рисунками и полезла к маме обниматься. Та машинально сгребла её в охапку. Луа аж похрюкивала от восторга.

– Вас что-то беспокоит? – наконец спросил водитель.

– А? – Джесси наконец-то посмотрела на него. – Нет-нет, просто... Знаете, мысли.

Водитель понимающе кивнул. Луа отвлеклась от висения на маминой шее, внимательно посмотрела сначала на маму, потом на дядю-водителя.

– Мама часто плачет, – сообщила она. – Но это ничего. Она говорила, что скоро она не будет плакать никогда-никогда. А я, когда плиздем, получу столько мороженого, сколько захочу!

Водитель странно посмотрел на девочку. Глаза блеснули. На мгновение ему показалось, что легкое платьице девочки испачкано то ли бетонной крошкой, то ли песком.

– Луа! – воскликнула мама.

– Всё в порядке, – примиряюще сказал водитель, – я могу

как-то помочь?

– Помочь, – с горечью повторила Джесси, – это вряд ли.

Она достала из сумки маленького плюшевого котёнка. Луа радостно взвизгнула, схватила игрушку и тут же потеряла всякий интерес к разговору взрослых.

– Вот вы общаетесь со многими людьми, – начала Джесси, глядя в пространство, – много слышите. Почему жизнь так несправедлива?

– Несправедлива? Почему вы так решили?

Она горько усмехнулась.

– А вы сами не видите? Сколько подонков живёт до старости без всяких проблем? И ничего их не беспокоит, всё у них в порядке. А другие, которые ничего никому в жизни плохого не сделали, страдают.

Водитель молчал. Джесси всхлипнула и продолжила.

– А дети? Они-то ни в чём не виноваты? – она кивнула на малышку, усердно убаюкивающую плюшевого друга. – И сколько из них болеет? Сколько страдают всю жизнь от страшных болезней? А сколько погибают, так и не поняв, что такое жизнь?

Водитель молчал. Его губы сжались в прямую линию, а руки покрепче сжали руль.

– Вот я, – продолжила Джесси, немного взяв себя в руки, – я в своей жизни никому ничего плохого не сделала, никого не обижала. Да и не требовала многого никогда.

Я росла обычной девчонкой. Многие называли меня кра-

савицей, но я себя такой не считала никогда. Средняя внешность, средний ум. Разве что тихая, – она пожалала изящными плечиками, – но это же не повод мною пользоваться, верно? Ах, надо было продолжать учиться.

Она чуть расслабилась и откинулась на спинку сиденья, устроившись поудобнее. Джесси вновь потрепала дочку по голове, та с готовностью обняла маму и вернулась к игре.

– Хотя тогда бы не было её, – Джесси впервые улыбнулась. – После школы в мою жизнь пришла любовь. И я не стала учиться дальше. Родилась моя зайка. А вот наш папа был к этому не готов и бросил нас.

Водитель продолжал молчать, хмуро поглядывая на неё через зеркало.

– Но это ничего, – она вновь улыбнулась, – в моей жизни не было большего счастья, чем она. Ах, как было хорошо тогда! И представить не могла, что буду вспоминать те времена и скучать по ним.

Она уставилась в окно, на пролетающие за пеленой дождя серые бетонные заборы. Джесси крепко обняла дочку. Та отчаянно пыталась вырваться и вернуться к котёнку. Водитель продолжал рассматривать её. На коже, в области шеи и плеч темнели синяки и ссадины.

– Случилось что-то плохое? – спросил он наконец.

– Да, – ответила она, помолчав, – в нашу жизнь пришла война. Мне помогали родители, но они погибли во время одного из ударов. И мы остались вдвоём.

В её глазах вновь заблестели слёзы.

– Нам пришлось бежать. На новом месте нам какое-то время помогли, но потом мы остались вдвоём. Луу удалось отдать в садик, но где найти работу? Кому нужна беженка без образования и с маленьким ребёнком на руках? Я старалась найти работу. Правда старалась. Мытьё полов, фастфуды, доставка. Я ведь не отказываюсь от работы. Ради дочки я готова на всё, но... Везде был или график двенадцать часов, или мне предлагали сначала «поработать в кабинете директора, а там посмотрим». Ну, вы понимаете, о чём я.

Водитель посмотрел на девочку. Кажется, она утомилась: Луа свернулась калачиком в уголке и, похоже, устраивала ко-тёнка на ночлег.

– И вам, – аккуратно начал таксист, тщательно пытаюсь подобрать слова, – вам пришлось работать...

– Древнейшая профессия, да, – всхлипнула Джесси, – а что мне оставалось? Всё же ради неё. О, я отдаю ей всё время, какое только могу. Как бы мне хотелось вообще не расставаться с ней! А как мы читаем с ней сказки перед сном! Как бы мне хотелось быть с ней рядом каждый вечер, не оставляя её одну с телевизором. Я ложусь на кровать, она сворачивается калачиком рядом и слушает, слушает. Время прямо замирает в эти минуты! Как будто кроме нас двоих остального мира не существует. Как бы мне хотелось ей дать всё-всё на свете! Всё, чего у нас никогда не будет.

– Я вас не осуждаю, – примиряюще сказал таксист.

– А мне ваша жалость не нужна, – огрызнулась Джесси. – В нашей профессии ещё заставляют употреблять... Ну, знаете, лекарства. Чтобы мы были стоворчивее. Чтобы не отказывали фантазиям клиентов.

Водитель дёрнул щекой.

– ...Так что это стало ещё одной проблемой. Это вызывает привыкание. И за это приходится платить.

Луа мирно посапывала, свернувшись на сиденье. Джесси нежно убрала прядь волос с её лба и тихонько поглаживала дочку по плечу.

– А недавно, – продолжила она, вздохнув, – у меня появился один постоянный клиент. Он... Он жесток. Очень. И с каждым разом всё хуже и хуже. Это всё кончится плохо, я точно знаю. И что тогда будет с ней? У неё ведь никого нет, кроме меня. Однажды она проснётся в своей кровати, совсем одна в этом мире. И что же будет тогда?

Водитель молчал.

– Да, – всхлипнула Джесси, – выход есть всегда. Но я не хочу этого. Не для моей зайки. Но я не вижу другого выхода. Что нас ждёт впереди? Там нет никакого просвета. Что ждёт её, если меня... Если я... Если я однажды не вернусь с работы? Я с ума схожу от этого! Так скажите мне: чем дети заслужили такое? Почему люди так жестоки? Откуда в мире столько боли? Почему дети должны страдать?

Водитель разлепил губы.

– Да, дети, они... Во многих религиях детей считают ма-

ленькими божествами.

– Нет никакого Бога, – она сглотнула слёзы, – по ту сторону нас ждёт только тьма.

Луа проснулась и потёрла глаза кулачком. Затем повисла у мамы на шее и расцеловала её в обе щеки.

Такси остановилось. Водитель повернулся к своим пассажирам.

– Вы не правы, – просто сказал он, – даже самый страшный, самый тёмный путь заканчивается и начинается новый. И вот на этом новом пути каждый ответит за свои поступки, даже если таскал их до глубокой старости. А остальных ждёт новое начало, полное яркого света.

– И кучи мороженого! – Луа вскинула к потолку маленькие ручки.

Таксист улыбнулся.

– Да, малышка. Столько, сколько ты можешь себе представить.

Глава 5.

Некоторое время он бессмысленно смотрел в пустоту. Почти как его пассажирка совсем недавно. Он дёрнул рычаг. Такси вновь отправилось в ночь.

На заднее сиденье плюхнулся молодой парень лощёного вида. Серьга в ухе, модная причёска и не менее модные чёрная рубашка и брюки от именитых брендов. Парень шмыгал носом и ошалело оглядывался вокруг себя.

– Гм, – сказал водитель и такси тронулось в путь.

Некоторое время парень продолжал озираться, шмыгая носом. Таксист поглядывал на него. Вид растерянный, словно пассажир не понимает, где находится.

– Всё нормально? – на всякий случай спросил водитель.

– Я Пэт, – сказал парень и шмыгнул.

– Пэт?

– Ну, вообще, Пётр. Петя. Но лучше Пэт. Друзья зовут меня Пэт. Я Пэт!

– Угу, – промычал водитель и сосредоточился на дороге.

Кажется, парень наконец освоился в машине. Он перестал озираться и постарался развалиться на сиденье вальяжно. В скромном такси получилось у него это неважно.

– Ух, ну и вечерина была вчера, чувак, ты бы видел!

Он достал из кармана смартфон и стал суетливо водить пальцем по экрану.

– Блин, да в какой жопе мы едем, раз тут связи нет?! – Он быстро прильнул к стеклу. За потоками дождя угадывались какие-то пустыри или огороды.

– Хрен с ним, – смартфон был брошен на сиденье, после чего свалился на пол. Пэт только махнул рукой. – Пофигу вообще. Возьму себе другой. У меня знаешь сколько бабла?

– Хорошо зарабатываете?

– Пф, «зарабатываю». Работать – это для неудачников. А я – хозяин этой жизни, ты понял? Ты бы видел, какую тёлочку я вчера купил после вечерины! Да на какой тачке ее вёз! Весь ваш сраный таксопарк, если продать, на одно колесо не наскребёте.

– Купил тёлочку? – не понял водитель.

– Шлюху, понимаешь? Да не такую, на которых ты облизываешься, пока по трассе едешь, а элитную, – Пэт сделал особый акцент на слове «элитную». – И пока мы с ней гнали под двести «кэмэ», она меня ротиком ублажала! Ух, какая девочка!

Водитель внимательно посмотрел на него и почему-то прищурился. А Пэт продолжал рассказывать на каких классных тусовках он завсегда и что «любая дурь – это его поле».

– Где же вы берёте деньги на всё это? – спросил водитель и прибавил скорости.

– Чё? – Пэт встрепенулся и огляделся вокруг. – А, ты про бабло опять. Про бабки – это к батяне моему. Папуле, коро-

че. Слышь, а мы не шибко спешим? Чё-то всё таким быстрым кажется.

– Не превышаем.

– Да? Ну ладно. Короче, батя у меня молоток прям. Он какая-то шишка важная. Типа лес там, нефть. Какая-то такая фигня, не знаю точно. Поначалу зудел всё: давай, мол, учись. Оплачу всё. А я думаю: надо оно мне? Я ж уже в шоколаде! Уже всё есть, понимаешь? Хорошо, что папаня у меня в разъездах часто, так что зудел не долго. А щас вообще подзабил на это. Понял наконец-то, что я рожден не для этого!

– А для чего вы рождены?

– Ты чё, так и не понял до сих пор? Чтобы кай-фо-вать! Я людям хорошее настроение несую. А хорошее настроение у меня всегда с собой!

Пэт стал рыться по карманам. Такси с рёвом вошло в поворот. Парня бросило от одной двери к другой, но он на это не обратил никакого внимания. Убедившись, что в карманах пусто, он вновь сел ровно.

– Ну ладно, согласен, сейчас хорошего настроения не нашлось. Выронил, наверно. У тя тут ничё нету?

Водитель мотнул головой.

– Точно? А то я знаю, что таксёры часто барыжат бухлом и веществами. Значит, нет? Ну ладно. Так что батя – молодец. Он и сам любитель покайфовать, точно тебе говорю. Просто виду не подаёт.

– А ваш отец, он тоже получил средства от кого-то?

– Не. Я, когда мелким был, он мне часто рассказывал, как с самых низов пробивался. Всё своим трудом, своим умом заработал! Вон у меня батя какой! Молоток, я ж говорю тебе.

Водитель прищурился.

– Может, он поэтому и настаивал на вашей учёбе? Хотел, чтобы вы почувствовали, каково это: с трудом зарабатывать себе на жизнь?

– Чего? – не понял Пэт.

– Ну, может, не для того, чтобы вы прямо зарабатывали на кусок хлеба, – поправился таксист, – а чтобы хотя бы понимали как мир устроен, что чувствуют другие люди?

– Чё-чё? – зашевелился Пэт. – Это типа я за жизнь не шарю? Да я в нашей тусовке любому словом помогу! Всё разрулю, почище любого психолога!

– Словом, – усмехнулся водитель, – в том-то и дело, что можете помочь только словом. Вы же совсем не знаете людей. Не знаете, чем они живут. Что чувствуют. Вот, например, та девушка, которая вам делала минет в машине. Почему она это делала?

– Как это почему, – усмехнулся Пэт и вновь развалился на сиденье, расставив ноги. – Потому что я ей заплатил, сечёшь?

В подтверждение своих слов он почесал большой палец об указательный и закинул руки за сиденье.

– Это понятно, – кивнул водитель, – но почему она решила зарабатывать деньги именно таким способом? Может

быть, она просто глупая и ленивая и не умеет ничего, кроме как использовать свою внешность? А может быть, она просто в отчаянии? Может, ей негде жить? Или у неё смертельно больна мама или ребёнок и она вынуждена использовать все способы, чтобы собрать на лечение? А может, её заставляют это делать и ей нужна помощь?

Пэт молчал. Его брови сошлись на переносице.

– А ваш отец? – продолжал водитель. – Вы уверены, что, когда он сколачивал своё состояние, он хотел для вас именно такой жизни? Быть может, он бы отказался от всех своих миллиардов, чтобы вы не стали тем, кем стали? У вас есть сёстры или братья?

– Сестра, – неохотно буркнул Пэт. Он зажал ладони между колен. – Но я её не вижу, она сейчас учится в Англии.

– А вы знаете, почему она выбрала именно Англию? На кого она учится? Что ей движет?

Такси проехало площадь, в центре которой возвышался полуразрушенный постамент. Здесь, видимо, когда-то был установлен памятник.

– Вот видите, – продолжил водитель. – Вы не можете ничего сказать даже о родной сестре. Что уж говорить о мыслях элитной проститутки. Уверен, когда вы всё-таки учились, у вас были одни пятёрки. Так?

Пэт молчал.

– Я не сомневаюсь, что это были только пятёрки, – сказал таксист. – А хотите знать почему? Потому что учителя про-

сто не хотели с вами связываться. Они боялись гнева вашего отца, если не будут терпеть ваши выходки. Хотя я уверен, что он бы им ничего не сделал.

– Откуда вы знаете? – глухо буркнул Пэт.

– О, потому что я кое-что понимаю в этом мире, молодой человек. В отличие от вас. Знаете, в прошлом был такой политический деятель – Сталин. Суровый был человек, строгий. О нём говорят много и хорошего, и плохого. Но вот вам история о нём и о его сыне Якове.

Яков учился в обычной школе, несмотря на статус своего отца. И Яков вёл себя плохо. Плохо учился, хулиганил. А учителей запугивал тенью своего отца. И они терпели Якова. Терпели его выходки.

Но нашёлся один учитель, который не мог больше этого выносить. Он написал письмо самому Сталину, в котором подробно описал все выходки его сына. И получил ответ, адресованный лично ему. Сталин тепло благодарил учителя за то, что тот не поверил угрозам Якова. Что не пошёл на поводу у мальчишки. И попросил быть с Яковым построже, потому что на нём лежит гораздо большая ответственность из-за того, кто является его отцом. И извинился, что из-за важности своей работы не всегда может выделять время на воспитание сына. Понимаете, о чём я?

Пэт молчал.

– Я говорю о том, что вам сложнее стать хорошим человеком. У вас изначально всё есть. Вы отрезаны от мира. А

остальные вынуждены зарабатывать себе на жизнь, видеть горе других людей, помогать им. Они становятся нужными, понимают, что приносят в этот мир частичку себя. И в конце пути понимают, что не зря приходили в этот мир. Даже если их вклад был незначителен. Человек может быть уборщиком всю жизнь, но однажды он может спасти ребёнка из реки и тем самым обеспечит себе смысл существования до конца дней. А ведь даже если никого и не спасёт: одной своей работой он сделает больше, чем сделаете вы. Да и понимает уборщик в происходящем вокруг уж точно побольше вашего.

– Думаю, я понимаю, о чём ты, – поморщился Пэт. – Чёрт, что ж так голова трещит?

– Возможно, ударились? – глаза водителя блеснули. Он нажал на газ сильнее.

– А? Да не, вроде не ударился. Блин, если так подумать, я ж свою сестрёнку не знаю совсем, правда. Помню, мне её показали еще крохой, а я отмахнулся только. Уже тогда был дерьмом. Но она хорошая, я уверен. Нет, я думаю, что она хорошая. Шас вспоминаю: она любит благотворительностью заниматься. Я всё отмахивался: пустая трата времени это. Даже не знаю точно, чем именно она занимается. Столько времени упущено. Хе, рассуждаю, как старый дед!

А отец? Он же пытался мне объяснить. Он терпеливый дядька. И добрый. Это с виду он такой, знаешь, суровый весь. Может, потому, что в жизни ему по-настоящему тяжело пришлось. Этого ведь я тоже не знаю!

Пэт обхватил голову руками. На мгновение водителю показалось, что между пальцев сочится кровь.

– Ох, наверно, он всё-таки слишком добрый, – глухо продолжал пассажир. – Вот был бы он как этот... О ком ты там говорил? Хотя не, нечего на него перекладывать. Только моя вина. Сам дурак. Я сейчас пытаюсь вспомнить детство, а не могу. Перед глазами только пьяный угар. Ничего не могу вспомнить. Но, может, не поздно ещё, а? Я ж молодой ещё. Полежу в клинике, избавлюсь от наркоты и пьянок. Организм же восстановится, правда? Гением уж не стану, но хоть что-то полезное же я могу делать! Хотя бы с отцом подружиться. А мама...

– Приехали.

Глава 6.

Такси медленно ехало по пустой дороге. Водитель склонил голову чуть набок и о чём-то думал. Как будто пытался что-то вспомнить. Уловить какую-то мысль, давно потерянную. Свет фар выхватил из тьмы покорёженную, ржавую автобусную остановку. На ней стоял грузный человек и голосовал.

Пассажир забрался на заднее сиденье и с силой захлопнул дверь. Им оказался крупный седой мужчина. Цепкий взгляд осмотрел такси без всяких эмоций. Его движения были плавными и неспешными, но в них чувствовались мощь и сила, задремавшие с годами. Простая одежда скрывала некогда могучее тело, потихоньку дряхлеющее из-за возраста. Пассажир сразу уставился в окно.

Такси отправилось в путь. Водитель пытался поймать взгляд пассажира, но тщетно: тот неотрывно смотрел в окно.

– Как вас зовут? – миролюбиво спросил водитель.

– Павел.

– Не замёрзли на остановке?

– Нет, всё в порядке, – Павел поморщился и потёр грудь в области сердца. – Что-то ёкает сегодня, зараза. Не подскажете: сколько сейчас времени? Никак не могу вспомнить, где мои часы. Я их обычно никогда не снимаю.

– А что такое? Спешите?

– Да хотел дочке позвонить. У нее сегодня день рождения. А я всё тянул до вечера, чтоб не отвлекать: праздник всё-таки у людей. И вот, дотянул до самой ночи. – Он кивнул на мрак за окном.

Кажется, дождь только усилился и за потоками дождя было невозможно вообще что-либо разобрать. Но пассажир всё равно упорно смотрел в темноту, не глядя на таксиста.

– Ничего страшного, – успокоил его водитель, – дети, они же всегда поймут.

– Да, вы правы, – Павел вздохнул. – Девочка моя. Бывает, так скучаю по ней. Совсем взрослая уже, со своей семьёй. А для меня-то она всё та же крошка. Всю жизнь ей посвятил. Всего себя.

– Жалеете?

– Да нет, что вы! Просто... Вообще я обычный человек. Знаете, никаких талантов особых или связей. Не буду скромничать: неглупый. Отучился, как все. Женился, как все. Устроился на работу, как все.

Он помолчал. Глаза его чуть прищуривались, он выламывал себе пальцы на руках, словно собирался с духом, чтобы что-то сказать.

– Всё, как у всех, в общем, – наконец продолжил он. – Женился я на прекрасной девушке. Мы ещё со школы были вместе. Сразу, как я закончил техникум, поженились. У нас родилась прелестная дочь. Я работал монтажником, моя любовь – библиотекарем, – Павел горько усмехнулся. – Она

обожала свою работу.

Он замолчал. Машина шуршала шинами по асфальту. Дворники жалобно всхлипывали, явно работая на последнем издыхании. Павел безотрывно смотрел в темноту.

– Когда Юле исполнилось пять, наша мама умерла, – его голос дрогнул. – Скоротечный рак, ничего не получилось сделать. Это были самые страшные дни в моей жизни. Страшнее похорон было только попытаться объяснить маленькой девочке, что её мама не просто заболела. Что её мама больше никогда не выздоровеет и никогда не вернётся.

– Вы брали её на похороны?

Павел мотнул головой.

– Долго думал: брать или не надо. Родственники говорили: возьми, пусть попрощается с мамой. А как она попрощается с мамой, если мама мертва? Рак её сожрал целиком, она была похожа на высушенную мумию. Ух, столько лет прошло, а будто вчера всё было.

Он опять поморщился и потёр сердце. Водитель чуть сбавил ход и колеса зашуршали по асфальту мягче.

– Как же вы справились?

– А какой у меня был выбор? – усмехнулся Павел. – Нет, я тут не собираюсь изображать такого, знаете, бедного отца-одиночку. Были бабушки, были дедушки, друзья. Но всё равно было тяжело, конечно. Особенно по вечерам.

Он помолчал.

– А самое было тяжёлое, когда Юля забыла маму. Сами

знаете: дети быстро всё забывают и ко всему привыкают. Вот она в какой-то момент и привыкла, что есть только папа. И совершенно спокойно относилась, что на всякие там дни мамы с ней ходит её тётя. Бывает, берёт игрушку, которую ещё мама дарила и спокойно с ней играет, а у меня сердце кровью обливается. Я-то помню и как эту игрушку покупали, и её маму помню.

– Дети так устроены, – согласился водитель, – их психика так работает. Так им гораздо проще переносить боль и утрату.

– Жалко, что мы так не умеем, – сказал Павел.

– Вы бы хотели забыть жену?

– Нет, конечно! Это просто для поддержания разговора так говорю. Те годы с Леной... Это были лучшие годы моей жизни. В нас было столько энергии! У нас было столько планов! Казалось, что перед нами лежит весь мир и ещё чуть-чуть и мы добьёмся всего, чего только захотим. Столько было бессмысленной суеты. Все эти кредиты, деньги, ремонты. Вся эта шелуха. А важно, на самом деле, только здоровье. Я ведь так и не женился во второй раз, знаете. Так и пронёс любовь к умершей давным-давно женщине через всю жизнь.

Он наконец отвернулся от окна и встретился взглядом с водителем. Глаза Павла были маленькие, цепкие. В них таились сила и упорство. Это были глаза человека, привыкшего преодолевать трудности, несмотря ни на что.

– Так что всю жизнь мы так и прошли вдвоём, – продол-

жил Павел. – Всё своё время посвятил ей. Днём работа, вечером – уроки, игры. Выходные – гулять. Парки, карусели, мороженое. Если удавалось подзаработать, ездили отдыхать. О, какое же это было прекрасное время! Тяжёлое, да, но прекрасное. Какая у неё была улыбка! А как она смеялась. Сидит себе, играет на площадке, вдруг в какой-то миг встрепенётся, повернётся ко мне и бежит, растопырив ручки: «Папочка!» Ахаха!

Павел расцвёл на глазах. Мыслями он перенёсся далеко в прошлое, в залитый летним солнцем парк, где рядом с ним сидела смеющаяся девчонка и уплетала мороженое, глаза на гуляющих собак. Его лицо сияло, глаза загорелись живым огнём. От старческой усталости и тоски не осталось и следа.

– Были и ссоры, конечно. Особенно когда она подросла, – улыбка не сходила больше с лица Павла, он глядел на водителя. – Папа ведь старый и глупый, что он понимает. И убежала после школы, и задерживалась чуть ли не до утра. О, я чуть с ума не сходил от беспокойства. Не берегла совсем старика, ахаха!

Сигареты прятала от папы. В электрощитке на лестнице, ха! А после сигареты запихивала в рот дюжину жвачек и пшикала освежителем на балконе. Вонь от сигарет стоит на всю квартиру, а она ходит, как ни в чём не бывало: папа же не учует. Ха!

Как-то раз прям не выдержал: пошёл её с дискотеки забирать. Мы перед этим поссорились опять, вот она и убежала.

Обычно я старался, чтобы она с кавалером шла на танцы: хоть защитит в случае чего. А то сам в молодости такого не смотрелся на этих «дискачах». Тоже был любитель погулять. Но не подумайте: никогда никого не обижал. По крайней мере, никогда не обижал того, кто этого не заслуживал.

В общем, убежала. Одна. Время – два часа ночи, мобильник, конечно, молчит. Ну, я и закипел. И пошёл. Это щас я старый уже, а тогда форма хорошая была: всё-таки физически работал всю жизнь. Так что два метра ростом и сто десять килограмм «фейс-контроль» остановить не решился.

Представили себе картину? Модный клуб, молодые девчонки и парни пляшут и я тут такой прусь, старая развалина. Иду в дальний угол, а там такие мягкие диванчики, столик, бокальчики. Что-то вроде вип-зоны. И моя сидит: юбочка еле-еле попу прикрывает, майка блестит ярче диско-шара. И трое над ней нависают. Аж слюни пускают. Я сначала вскипел. Думаю: всё, из дома больше никогда не выйдешь! А потом присмотрелся: а ей же страшно, малышке-то моей! Она сама уже сто раз пожалела, что пришла сюда. Сидит, съежилась вся, как котёнок под дождём.

Подошёл к ней, протянул руку. Всё, говорю, пойдём домой. Спать, мол, давно пора. Тут кто-то из этих хмырей меня за плечо взял. Пробубнил там что-то, я уж и не помню что именно. Что-то про то, что они ей выпивку купили, что она им танец должна. Ну, это я так в памяти думаю, что танец. А он, может, и чего другое тогда вякнул. И вякнул зря.

Я в юности боксом занимался, так что удар у меня поставлен. Ну, я ему в лоб и дал. Так он кубарем за модный диванчик и улетел. Второй подскакивает. То ли с ножом, то ли с вилкой, кто их разберёт. А у меня инстинкт: раз с оружием кто, значит уж надо по-взрослому, чтобы наверняка. Руку ему пополам и туда же – за диванчик. Тут уж я в раж вошёл. Всё, думаю, щас я вашу избушку на курьих ножках разнесу нахрен! Юлька на меня смотрит, а у неё глаза круглые, как у совёнка. Ха! Понял я, что хватит пугать ребёнка, её в охапку и ходу оттудова, пока «секьюрити» не очухались.

И с тех пор её ухажёры прям минута в минуту её возвращали. Всегда спрашивали, во сколько её вернуть, можно ли им в такое-то место пойти. Дядей Пашей все называли, ха!

– Не было потом проблем из-за драки с ними?

– Да какое там, – Павел махнул рукой, – шпана, одним словом. Вроде как у одного из них был какой-то родственник в администрации, но у меня тоже много приятелей с бурной молодости осталось. Так что, как говорят копы: «У сторон не было друг к другу претензий».

Водитель пристально смотрел на него. Пассажир изменился в считанные минуты: от мрачного молчуна до хохочущего, счастливого отца. В глазах таксиста блеснул интерес и он чуть сбросил скорость.

– Ну а потом всё успокоилось. Юлька пошла в институт, тут уж у меня работы прибавилось. Вы же сами рабочий человек, сами понимаете: учёба – дорого, жильё – дорого. А до-

бавьте к этому, что это восемнадцатилетняя девушка: и платьица хочется, и телефончик модный, и косметику, и причёсочку.

До седьмого пота пахал. А куда деваться? Если б я её не обеспечивал, неизвестно, как бы она решила эти деньги зарабатывать. Нет, вы не подумайте: она у меня умничка. Но ведь это молодость, мало ли что может в голову взбрести. Все ж такими были.

Таксист молчал и внимательно слушал, не смея прерывать пассажира. Машина проехала мимо груды мусора прямо под фонарём, в которой что-то копошилось. Наверное, бродячие собаки ужинали.

– А дальше как-то все заботы вмиг закончились, – Павел погрустнел и сник. – Закончила институт, нашла хорошую работу. Нашла не менее хорошего мужа. Отличный парень, башковитый, не то, что я. У них родилась двойня. Такие мальчишки, вы бы видели! Как я их обожаю! Жаль, что редко их вижу: в другом городе живут, редко приезжают. Что им тут в нашей деревне делать?

Он замолчал и вновь уставился в окно. Улыбка сошла с его лица, как будто её и не было. Дворники скрипели всё жалобнее.

– Вы скучаете по дочери? – наконец, спросил таксист.

– Не только это, – со вздохом ответил Павел. – Понимаете, теперь, когда я на пенсии, а дочь взрослая... Теперь, когда у меня полно свободного времени, я понимаю, что моя жизнь

прошла впустую. Прошла мимо меня.

– Как это?

– Ну, я ничего не достиг. Не оставил никакого следа в этом мире. Что я был, что меня не было. Никаких открытий, произведений, да хотя бы доски почёта на заводе!

– А как же ваша дочь?

– А что дочь? – не понял Павел.

– Вы вырастили прекрасную дочь, – водитель взглянул на него. – Хорошо её воспитали, дали ей образование. Вы были для неё примером настоящего мужчины. Честного человека. Человека, который не предаст даже того, кого давно уже нет. Вы своей жизнью показали ей, что такое не сдаваться. Что такое быть честным и добрым.

– Но ведь это всё-таки будет её жизнь, а не моя, – возразил Павел.

– Жизнью своей дочери вы сделали этот мир светлее и добрее. Она вырастит своих детей и передаст им вашу доброту. Что это, если не след в истории мира? Ваше упорство, ваша преданность останутся в веках. И однажды эти зёрна могут дать всходы. Кто знает? Может, именно благодаря вашей доброте человечество придёт к счастью?

Павел задумался. Он внимательно смотрел на водителя. В глазах разгорался огонёк.

– А что, если получится наоборот?

Водитель усмехнулся.

– За всю историю Вселенной ещё не бывало, чтобы доб-

рота и честность приводили к чему-то другому. Мы почти приехали. Вы, может быть, хотите сказать что-нибудь еще?

– Пожалуй, нет, – задумчиво пробормотал Павел. – И знаете что? Думаю, вы правы. И мы действительно уже приехали. Верно?

Глава 7.

Задняя дверь открылась и в такси сел новый пассажир. Водитель нахмурился: по такси стал распространяться еле уловимый, но бесконечно зловонный запах. Он никак не мог вспомнить, откуда он знает этот запах. Какое-то гниение, что ли.

Пассажиром оказался невзрачный человек лет сорока. Худой, сгорбившийся, он старался вжаться в сиденье. На подбородке, неопрятными островками, рыжела борода. На мгновение таксист поймал его смущенный взгляд, но в глубине глаз скрывалось что-то ещё: нечеловеческая злоба. Толстые линзы очков поблескивали в свете фонарей.

Похоже, пассажир таксисту не понравился. Он резко дернул рычаг и такси рвануло с места.

– Ой, – испуганно вскрикнул пассажир.

– Всё нормально? – громко спросил водитель.

– Да-да, всё в порядке, – пассажир заискивающе улыбнулся. Хотя водителю показалось, что улыбка больше напоминает оскал.

На когда-то белой рубашке пассажира красовались какие-то тёмно-коричневые пятна. Словно в него кидались комьями земли. В сполохах фонарей водителю на мгновение показалось, что руки пассажира чуть ли не по локоть испачканы кровью. Тот уставился себе под ноги, медленно выла-

мывая себе пальцы.

– Я Джейсон, – застенчиво сказал пассажир, – а вы?

– Где вы умудрились так испачкаться, Джейсон?

– Ума не приложу, – воскликнул пассажир, с удивлением рассматривая свою рубашку, словно только сейчас заметил пятна, – может быть, я упал, пока шёл к дороге?

– Может, может, – ответил водитель и замолчал.

Пассажир чуть освоился в машине, но практически не шевелился. Таксист чувствовал на затылке его холодный пристальный взгляд.

– Вы простой человек, – объявил пассажир.

– То есть? – не понял водитель.

– У вас простая работа, – объяснил Джейсон, – вы возите людей, делаете обычное простенькое дело. Вы не ставите других выше себя. Вы молодец. А вот ваши пассажиры... Наверняка бывают разными. И высокомерными тоже. Да?

– Да, всякие бывают, – пожал плечами водитель, – все люди разные.

– Дааааа, – протянул Джейсон, – они мерзкие, правда? Некоторые думают, что умнее и лучше других.

– Может, они правда лучше других.

– Это не повод ставить себя выше других, – ласково сказал пассажир, – даже если им больше везло в жизни или они многого достигли, нужно уважать других людей. Быть с ними наравне. Все беды в мире из-за неравенства.

Что-то насторожило водителя в философии Джейсона. Он

блеснул глазами.

– Что вы имеете в виду?

Тот вытянулся, сел ровно и аккуратно сложил руки на колени.

– Вот взять, к примеру меня. Я ведь не красавец, правда? Ой, не начинайте, – Джейсон махнул рукой, хотя водитель молчал, – знаю, что не красавец. И не то, чтобы сильно умён. Хотя, без лишней скромности, поумнее многих, кто занимает важные кабинеты. И что в итоге?

– Что?

– А то, что я всегда сталкивался с чудовищной несправедливостью! С самого детства мне говорили, что я хуже других. Мама с папой всегда говорили, что надо равняться на других, надо стремиться стать лучше. «Что ты, сынок, никак не можешь сдать плавание? Остальные-то сдают. Почему ты такой хилый?» «Как это ты не можешь понять тригонометрию? Остальные же понимают. Старайся лучше».

– Думаю они правда хотели, как лучше, – возразил таксист. – Хотели побудить вас расти над собой. Они же не говорили, что вы хуже других, верно? Просто имели в виду, что вы можете превзойти их. Что сможете добиться того же, что и другие. Вы же просто недооценивали себя. А ваши родители видели в вас потенциал. Чтобы вы не опускали руки. Чтобы вы не сдавались.

– А вот и нет! – взвизгнул Джейсон, но сразу взял себя в руки и медленно выдохнул. – Просто они были уверены, что

те дети лучше. Да и сами дети так думали! Постоянно говорили мне: куда ты лезешь, иди отсюда. Девчонки никогда со мной не гуляли! Никогда! Даже самые толстые и страшные. Потому что слишком важные. Видите ли, от меня плохо пахнет. А ведь это враньё! Они просто думали, что лучше меня. Однажды мне даже попалась собака, думавшая, что она лучше меня. Зарычала на меня, хотя я просто хотел её погладить. Задавака важная...

Пассажир говорил всё тише и в результате уже бормотал что-то невнятное себе под нос. Иногда он встревоженно оборачивался и всматривался в убегающую во тьму дорогу, словно ожидал увидеть там погоню. Водитель всё смотрел на его руки: ему опять показалось, что на них кровь. Омерзительный запах, который источал Джейсон, усилился. Водитель поморщился.

– Так и что вы сделали? – громко спросил таксист, стараясь привлечь внимание пассажира. – Стали расти над собой?

– Что? – Джейсон поднял голову. Глаза бессмысленно блуждали.

– Ну, вы сказали, что вас не ценили. Все вокруг высокомерные, нечестные. Что вы сделали, чтобы это прекратить? Пошли на курсы по саморазвитию?

– О, что я только не пробовал. И да, я ходил на курсы, вы правы.

Снаружи донёсся душераздирающий вой. Кажется, собаки. Джейсон вздрогнул, весь побелел и с ужасом покосился

на окно. За серым дождём и жёлтым светом фонарей угадывалась запущенная живая изгородь. За ней всё терялось во мраке. Водитель внимательно посмотрел на Джейсона и чуть прищурился.

– Да, курсы, – нервно повторил Джейсон и чуть успокоился. – Но знаете что? Там ведь тоже меня ни во что не ставили! Все эти важные учителя! Фе! Вы думаете глупости, Джейсон. Не говорите так, Джейсон. Джейсон, что за кошмар вы нарисовали? Как будто я опять попал к этой наглой жирной тётке, психологу, которая заставляла меня рисовать дурацкие картинки в школе!

– Вы ходили к психологу?

– Угу, ходил. Это мамина была идея. Видите ли, ей не нравилось, что я жгу игрушки. А что в этом плохого, вы мне скажите? Если мне нравится так играть? Знаете, у меня были резиновые солдатики, такие, ну, как оловянные с виду, но из резины.

А ещё у меня был аппарат для выжигания по дереву. Папа мне его сам сделал. Тогда настоящий, фирменный купить было сложно. Так вот, мне нравилось этим аппаратом жечь своих солдатиков. Я мог часами наблюдать, как раскалённая нить входит в тело, как в масло, опаляя мундир и прожигая тело насквозь. Или таким образом отжечь голову. Или воткнуть нить ему в место, где должны быть гениталии и представлять, как он корчится от боли. Как умоляет меня перестать.

Но мамочке, конечно, это не понравилось. Как-то она зашла ко мне спросить, почему пахнет жжёной резиной и застучала меня. Ну и оттащила меня к этой жирной тётке! И ладно бы, если только это! Она отобрала мой любимый аппарат для выжигания! Мне пришлось резать солдатиков ножом, но это же совсем не то.

Джейсон вздохнул и вновь устался себе под ноги. Он шмыгал носом и вспоминал конфискованный аппарат для выжигания. Фонари за окном стали попадаться реже и тьма как будто бы сгустилась вокруг такси.

– Но, конечно, это не помогло, – Джейсон вздохнул. – Что плохого в том, что я рисовал страшилки на приёмах? Есть писатели, которые всю жизнь пишут ужастики и ничего! Уважаемые, известные люди.

Таксист молчал.

– Единственное, чего добились этими сеансами, так это то, что мама стала много плакать. И считать меня психом! Вы представляете? За рисунки и игрушки! О, а дальше всё только хуже делалось. Все эти курсы саморазвития, умные книги, медитация – всё это ша-рла-та-нство! Потому что вы потом выходите на улицу и видите всё тех же надменных, лощёных людей, которые вас ненавидят.

Вот таблеточки – они да, они помогали. Но и то только потому помогали, потому что вам от них хочется спать. Поэтому я от них отказался: так можно стать дебилом, который смотрит выключенный телевизор и пускает слюни.

– И что вы предприняли? – несколько раздражённо спросил таксист.

– Я постарался поменьше контактировать с людьми, – Джейсон на мгновение зажмурился, как довольный кот, – поменьше выходил из дома. Тем более в наш-то век работу и удалённую можно найти.

– Помогло?

– Не очень, – вздохнул Джейсон. – Всё равно приходится выходить в магазин, в интернете опять же всякие выскочки пишут, какие они самые умные. Да и если ни с кем не общаетесь: вы же всё равно знаете, сколько в мире высокомерных людей, которые вас ненавидят. Они же смеются над вами, стоит вам только отвести взгляд. Как вы этого не понимаете?

– Так как вам удалось побороть эту жуткую несправедливость? – водителю откровенно не нравился разговор и он этого не скрывал. – Вновь стали принимать таблетки? Разрешили детские проблемы?

– Нет, что вы, – пассажир махнул рукой и застенчиво отвёл взгляд. – Я начал их убивать. Но не просто убивать ради убийства, я вам не псих какой-нибудь. Я старался переубедить их, понимаете? Чтобы они поняли, как нужно обращаться с другими людьми. Равными людьми, между прочим. Из всех я старался сделать нормальных людей. Эх, жаль, что нормальных так мало вокруг нас. Мир был бы лучше.

– Кого их? – спросил водитель. – Кого вы пытались взрывать?

– Много кого, – пожал плечами Джейсон. – Начал со своих родителей. Кстати, они единственные, кого я не пытался образумить. Просто очистил мир от них. Я же знал их с рождения и прекрасно понимал, что это пустая трата времени. Я подсыпал им снотворного в вечерний чаёк, чтобы мама не проснулась, пока я душил папу. Ну а потом задушил маму, конечно. Задушил их шнуром от утюга. Потом отвёз к нам на дачу и закопал в сарае. Они и сейчас там, представляете? Да, дача стала моим излюбленным местом с тех пор.

– И их никто не искал?

– Да кому они нужны? Так, пара бабкок-подружек и парочка бывших коллег. Я всем сказал, что они решили попутешествовать. Ха! Попутешествовать до сарая, – пассажир хихикнул. – Даже какое-то время вёл переписку от их имени. Но потом как-то привыкли все. Или все знакомые тоже передохли уже, не знаю. Это не важно.

Джейсон встрепенулся и вновь с тревогой посмотрел через заднее окно машины. Картина была всё та же: ночь и проливной дождь. Водителю показалось, что он слышит далёкий, нетерпеливый вой.

– Но вы не подумайте, – продолжал Джейсон, – остальным я давал шанс исправиться. Осознать, скольким людям они сделали больно. Я ведь мог им помочь. Научить их жить в мире с другими людьми. Всё, что им было нужно, так это искренне осознать, насколько они отвратительны. Насколько ужасен их мир. Но над этим я ещё работаю. Пока мне не

удаётся убеждать даже самых простых зазнаек, что уж говорить о больших начальниках, до которых мне пока, увы, не добраться. Но я до них доберусь, можете быть уверены. И однажды, благодаря мне, вы проснётесь в чистом, счастливом мире.

– И как же вы определяли, кто высокомерен? Кого нужно перевоспитать?

– О, в этом-то как раз нет никакой проблемы. Уж вы-то должны это понимать: вы же общаетесь с таким количеством людей! Тут ведь что главное? Главное – не распыляться на мелких пешек. И пусть вас не обманывает внешность: самыми большими зазнайками может оказаться кто угодно! Вот тут и пригодится мой врождённый талант. Я их чувствовал, – Джейсон просмаковал это слово. – Вот, бывает, идешь из магазина, а мимо идёт девушка. Красивая такая, по телефону говорит. Миленькая такая, губки пухленькие, каблучками цок-цок. Рассказывает, как отшила кого-то. Потому что, видите ли, он противно смеётся!

И тут мой внутренний голос говорит мне: вот оно! Я начинаю следить, чтобы понимать, не ошибся ли я. Но, забегаю вперёд, я ещё ни разу не ошибся. Они всегда показывают свою мерзкую, гаденькую сущность.

Потом я заманиваю их в свой фургончик. От папы остался. Такой, знаете, квадратненький, большой. Тут, конечно, приходится проявлять фантазию. Как командос. Поставить машину так, чтобы не попасть в камеру. И местечко выбрать

такое, чтобы никаких лишних глаз не было. Я точно знаю, что был избран для этой миссии. Иначе почему у меня такая невзрачная внешность, которую так сложно запомнить?

Так вот, эту девушку «каблчками цок-цок» я заманил так: она шла домой ночью, а я стоял возле своего открытого фургончика. Девка проходит мимо, а я ей и говорю: мол, зрение у меня слабое, ключики уронил в кузов, не могу найти. Ну, она подходит, знаете, с таким вздохом снисхождения, мол, «чего тебе надо, убогий?», а я ей по затылку дубинкой – тюк, и в фургончик её.

Рассказ явно доставлял пассажиру удовольствие. Он заметно расслабился, глаза лихорадочно забегали. Джейсон продолжал время от времени оглядываться и нервно облизывал тонкие губы.

– ...А потом увёз на дачу мамы с папой, – продолжил пассажир, смакуя каждое слово. – Всех этих зазнаек увозил туда. Дом у нас на отшибе, соседи не живут давно, так что там хорошо, да. Главное – связать и рот заткнуть, а то вдруг по пути очнётся и начнёт верещать, как парась? Нет, конечно они визжали, каждый из них, но уже там, в доме. И ведь даже там, на даче, я давал этим заносчивым тварям шанс! Я говорил: признайся, что ты зазнайка, что ненавидишь остальных, признайся в гордости! Они, конечно, признавались, но врал, само собой. На всё готовы пойти, чтобы спасти свои вонючие шкуры.

Поэтому приходилось их пытаться. О, я в этом деле пре-

успел, уж можете мне поверить. Знаете, приходилось экспериментировать, чтобы понять, что лучше всего действует. Например, этой сучке, про которую я рассказывал, я срезал кожу с ног, начиная с ладошек. Но получалось не очень, честно говоря: сдирать не получалось, а если срезать, то сучка теряла слишком много крови. Да, она красивая была. Даже трахнул её пару раз, эту мразь. Так что вместо срезания кожи стал втыкать в неё иголки. Да, представьте себе, обычные швейные иголки и булавки. Просто берешь и втыкаешь на всю длину, куда придётся: в руки, щёки, пятки, под ногти. Тут вся тонкость, чтобы так иголки там и оставлять, не вынимать их. Ну а потом, когда она уже одурела от боли, можно переходить к радикальным методам: глаза выкалывать, разбивать пальцы молотком, выдирать зубы плоскогубцами. Ух, я сейчас как вспомнил, так опять возбуждился. Я когда второй глаз выколол, еще раз её трахнул в беззубый рот.

Джейсон дёрнулся, замолк и вновь обернулся. Затем сел ровно.

– А мы не могли бы ехать быстрее?

Водитель с удовольствием прибавил скорости. Из-за рёва двигателя пассажиру приходилось говорить громче.

– И знаете что? – продолжил Джейсон. – Ведь никто из них так и не признался. До последнего выли, орали, что они не виноваты ни в чём. Все эти дети, девки, мужики. Старички и старухи до последнего пытались меня обмануть. До последнего вздоха врали! Ох, это нелегко всё, правда. Нет, я

не хвастаюсь. Знаю, что мир не оценит моих стараний при моей жизни, и умру я, скорее всего, не сам.

– Ваши жертвы тоже умерли не своей смертью, – напомнил водитель.

– А, да и что с того, – махнул рукой Джейсон, – всё равно они считали себя лучше других.

– Ну и что?

Джейсон запнулся.

– Как это «ну и что»? Такие, как они, обижают других всю жизнь! Таких, как я! Не за что! Ведь люди им ничего не сделали!

– Все те люди, которых вы замучили и убили, могли бы сделать немало хорошего. Например, та девушка, о которой вы говорили. Она была юристом. Хорошим юристом, между прочим. И через пару лет с её помощью был бы оправдан невиновный человек. А настоящий подонок был бы пойман и не совершал бы больше зла.

А тот мальчик, которого вы сожгли заживо? Он бы вырос великолепным пианистом и вдохновил бы столько людей на великие дела! Вместо этого вы облили его керосином и подожгли, наслаждаясь его криками и вдыхая запах жжёной плоти.

Помните старушку, которую вы забили до смерти кочергой? Её дочь тронулась умом после этого и уже никогда не родит ребёнка, который бы смог победить рак головного мозга навсегда.

Кажется, Джейсон не слушал. Он бормотал что-то, изредка вскидывая взгляд на водителя. Но таксист заметил искорку сомнений в безумных глазах. Что-то зашевелилось в больной душе. Это «что-то» давно было похоронено под тушей чёрного безумия и только сейчас, робко посмело зашевелиться. Джейсон посмел усомниться, что делает всё правильно.

– Знаете, – наконец пробормотал пассажир. – Кажется, я понимаю, о чём вы. Да, у них гордость, но в их душах есть и чуточку добра, верно? Я понял, что...

Такси резко остановилось и пассажир ударился о переднее сиденье. Дыханье с всхлипом выскочило из его груди.

– Приехали, – резко сказал водитель, не глядя на него. – Я не намерен вас слушать. И здесь, куда мы прибыли, вас слушать тоже никто не станет.

Глава 8.

В такси сел крупный мужчина. Он аккуратно закрыл дверь и постарался устроиться поудобнее, что получалось не очень хорошо из-за его габаритов. На нём были рабочие штаны со светоотражающими полосами и чёрная футболка. Кажется, одежда была запачкана бетонной крошкой или какой-то пылью. Он вертелся на сиденье, осматривался вокруг себя, видимо выбирая позицию, при которой он нанесёт такси минимум ущерба.

– Прохладно у вас тут, – клиент поёжился.

– Извините, проветривал после прошлого, гм, пассажира, – водитель поморщился, вспоминая Джейсона.

– Ясно. Ну ничего, сейчас напúкаем и станет теплее, – весело сказал пассажир. – Я Чейз.

Водитель кивнул и такси отправилось в путь. Чейз легко вздохнул, осмотрелся вокруг себя в поисках чего-нибудь интересного и стал тереть ладонь о ладонь, стараясь согреть руки. Время от времени он водил могучими плечами и морщился.

– Что-то мышцы сводит сегодня, – сообщил он. – Не в обиду, но до чего ж тесное у вас такси. Жуть.

– Уж какое есть, – беззлобно улыбнулся водитель. – Стандартная модель. У вас такая развитая фигура. Кем вы работаете? Вы спортсмен?

– Не, спорт не для меня, – Чейз тоже улыбнулся. – Это ж тренировки каждый день, диеты всякие, а я покушать вкусно люблю. Я спасатель. Ну или пожарный. Как вам больше нравится. Но только не пожарник. Я вам не жук! Ахаха!

Он легко рассмеялся громовым смехом, показав ряд ровных белых зубов.

– Ого, это очень полезная работа. Вы молодец.

– Спасибо. Знаете, по мне, так это лучшая работа на Земле. Что может быть лучше? Когда вытаскиваешь человека из огня, тащишь его на воздух, на свет. И кажется, что надежды нет. Что ты опоздал. Начинаешь делать реанимацию, краем глаза видишь, как к тебе спешат парамедики, но ты понимаешь, что времени мало и всё зависит от тебя. И ты остаешься один на один со смертью. В такие моменты я прямо вижу её физически!

Водитель блеснул глазами и внимательно посмотрел на спасателя, занявшего весь салон его такси.

– И что она говорит?

– Кто? – не понял Чейз. – Смерть? Я ж это фигурально.

– Не берите в голову, – быстро сказал таксист. – Извините, я вас перебил. Что было дальше?

– Дык вот, склоняешься над человеком и понимаешь, что между этим Светом и тем есть только ты. Есть только твои руки, твои знания и твоя воля. Разрываешь на пострадавшем рубашку, твоя кислородная маска летит в сторону, кто-то что-то кричит где-то позади, но ты не слышишь. Весь мир

перестаёт существовать для тебя. Ты, этот человек и смерть между вами. И ты понимаешь, что она уже празднует победу. Уверена, что сейчас заберёт этого человека и никто не сможет ей помешать. А вот хрен ей!

Громовой голос Чейза сотряс старенькое такси так, что оно подпрыгнуло.

– И ты начинаешь непрямой массаж сердца, – продолжил пассажир, – ты вдыхаешь в него жизнь из своих лёгких. И не сдаёшься. Никогда нельзя сдаваться! А тут уже поспевают парамедики, облепляют тебя и пострадавшего. И ты чувствуешь, что смерть испугалась. Что она отступает, потому что силы неравны. И вот, человек начинает дышать! Он делает первый, рефлекторный, судорожный вдох. И ты понимаешь, что с этим первым глотком воздуха в него возвращается жизнь. Что вы победили!

О, это ни с чем несравнимое чувство! В этот момент чувствуешь себя Богом. Ну, может, не самим Богом, но начинаешь понимать его, потому что ты возвращаешь жизнь. Без тебя это был бы просто кусок мёртвого мяса на битом асфальте, а ты вернул жизнь. Ты победил. Чувствуешь, как прямо через тебя, – Чейз поднял могучие руки и жестами пытался показать бурю своих эмоций, – проходит свет. Понимаешь, что все твои предыдущие дни, да и будущие уже могут ничего не значить. Что ты родился на Свет не зря.

Водитель внимательно слушал пассажира. Глаза вновь блеснули и он чуть отпустил педаль акселератора. Пассажир

разволновался, переживая сильные эмоции, он хватал ртом воздух, а глаза светились азартом победы над смертью.

– Но спасти удаётся не всех? – спросил водитель.

– Конечно, не всех, – легко согласился Чейз. – На то она и борьба, верно? Когда-то побеждаю я, когда-то – она. Но это не повод сдаваться! Даже одна спасённая жизнь – это очень круто. Однажды я выхожу из депо после смены. Уставший, как собака, злой. В тот день мы не смогли спасти девушку после «дэтэпэ». Приехали на вызов, а машина ну просто всмятку, даже не знаешь, с какой стороны подобраться. Вокруг люди стоят, говорят, что из машины стон доносится. Значит, ещё жив кто-то!

Ну, мы быстренько: гидравлические ножницы, ломы. Работая, а сам понимаю, что уйма времени пройдёт, пока мы до пострадавшего доберёмся. И вот через полчаса достаём девушку. Худенькая, лет двадцать всего. Мёртвая. Белая, как мел. Причём не виновата ни в чём была: водитель грузовика заснул за рулём и вылетел прямо на неё, она даже сообразить ничего не успела! Причём и дядька этот, водитель, был не то чтобы прям виноват: на него обманом кредиты повесили, так он, бедный, сутками без перерывов работал, чтобы семью на улицу не выгнали. Всё бегал вокруг машины, просил у всех прощения, волосы на себе рвал.

В общем, после такой смены выхожу из депо. Злой, как чёрт. Смотрю, напротив депо мальчишка стоит, лет восьми. В руках потрёпанная, грязная пожарная машина. Вид расте-

рянный, перепуганный. Ну, думаю, потерялся. Парень прибежал в пожарное депо сравнивать свою игрушку с настоящей «пожаркой». Что, говорю, потерялся? А сам я всегда на корточки сажусь, когда с детьми разговариваю, а то я ведь большой: испугаются ещё. Мальчишка посмотрел на меня так серьёзно-серьёзно и говорит: «Вы зимой мою маму спасли, её из больницы выписали вчера, и я принёс вам подарок». Спасибо вам, говорит! И протягивает мне свою машинку!

У меня аж слёзы на глаза навернулись! Нет, нас часто благодарят, это понятно. И коньяки дарят, и сертификаты всякие. Бывает, меценат какой-нибудь нас всех на курорт отправит. Но тут-то совсем другое. Ясно дело, что для мальчишки эта машинка – самое дорогое, что есть на Свете. Смотрит на меня так серьёзно. Потому что этот малыш так рано понял, что самое ценное – это жизнь! Что все эти машинки ничего не стоят по сравнению с тем, что мама вернулась домой. Возможно, это не я спас его маму, а кто-то из коллег, но для него я – это воплощение всей пожарной службы.

– Вы приняли машинку?

– Пришлось, – усмехнулся Чейз. – Как я мог отказать малышу? Она у нас теперь на почётном месте стоит, в комнате отдыха, наравне со всякими кубками. Но мы ему взамен настоящую каску подарили, так что парень был в полном восторге.

Впереди показалось дорожное ограждение и водитель свернул на соседнюю улицу. За полусгнившими красно-бе-

лыми досками угадывался остов покорёженного моста. Проржавевший дорожный знак сообщал, что там ведутся дорожные работы.

– Сами выбрали эту работу или семейная традиция? – спросил водитель.

– Сам. С детства ещё мечтал. Ни в чём себя другом не видел. Многие говорили: на фига оно тебе надо? Денег мало, здоровье там оставишь. Кстати хочу сказать, что с деньгами всё в порядке, даже без всяких подарков. Не знаю, чего всем кажется, что мы с хлеба на воду перебиваемся. Вот я уверен, что вы в своём такси получаете гораздо меньше, уж извините.

– Ничего.

– Все работы важны и мне бы хотелось, чтобы все достойно получали. Но за себя и за своих коллег могу сказать, что нам не на что жаловаться. Разве что риски на работе, но ведь они не только у нас. Почёт опять же, уважение. Все родственники гордятся. Но я не ради славы сюда пошёл. Можно подумать, у нас тут интервью каждый день берут и мы автографы раздаём. Ха!

– Но вы же всё-таки чуть тщеславны, —водитель ему подмигнул, – признайтесь.

– Не без этого, – легко согласился Чейз. – Но знаете, тщеславие больше к самой профессии, а не ко мне лично. Мне нравится, когда к нам в депо приводят ребятишек на экскурсию. Ох, как у них глаза горят! Ахаха! Они сразу облепляют

нашу машину, как обезьянки! Везде лазают, всё им интересно. Всё расскажи, всё покажи. А уж что начинается, когда мы разрешаем им включить сирену и мигалки... Ух!

Чейз хохотал, широкая, как дверь, грудь подрагивала в такт громовому смеху. Спасатель переживал лучшие моменты своей работы и весь отдавался воспоминаниям.

– Но ведь это работа правда очень опасная. Не бывает страшно? – водитель взглянул на него и прищурился.

– Нет, – пожал плечами Чейз, – чего бояться-то? Можно выйти из дома за молоком и вас собьёт машина. Знаете, какое количество таких людей я вижу по долгу службы? Человек лезет менять лампочку на кухне, падает с табуретки и ломает себе шею. А другой – строитель на стройке – падает с восьмого этажа на арматуру, которая пробивает его насквозь, а он остаётся жив! Так что тут от нас мало что зависит. От нас зависит, как мы распорядимся отпущенным нам временем.

– Согласен, – легко согласился водитель, – но вы наверняка несёте ответственность не только за свою жизнь. У вас есть близкие. Я слышал, что многие в вашей профессии не заводят семьи. Из-за слишком опасной работы.

– Ну, тут вы не правы, – Чейз, поморщившись, повёл могучими плечами и с опаской взглянул на потолок, словно тот падал на него. – Почти все мои коллеги с семьями. А те, у кого их нет, не заводят семьи по совершенно другим причинам.

– Но как же риски? В вашей профессии так много смертей.

Чейз посуровел. От прежней легкомысленности не осталось и следа. На пассажирском сиденье теперь был суровый, собранный профессионал, готовый ко всему.

– Да, смертей много, – глухо сказал он, – но знаете что? Я не готов отказываться от семьи из-за рисков! Жизнь – это не только работа, всё-таки.

– Значит, у вас есть семья?

– Да, жена. Она сейчас беременна. На седьмом месяце. Если бы не она, то какой смысл вообще возвращаться домой? Я захожу домой, вижу её взгляд и вся усталость словно испаряется. Все неудачи, вся боль остаются где-то позади. Словно в другой мир попадаешь! И как от этого можно отказаться? Она у меня девочка неглупая: прекрасно понимает, кем её муж работает. Никогда не спрашивает меня о работе. Знает, что счастливые случаи я сам расскажу, а о плохих ей знать ни к чему. В целом, девушка она впечатлительная: новости лишний раз не смотрит, вечно жалко ей всех. Тем более сейчас, когда она вот-вот родит. Гормоны, всё такое. Ух, как я жду этого мальчишку! Вот когда он родится, тогда заживём! Будем втроём путешествовать, ездить на рыбалку и всякое такое! Он тоже будет гордиться папой. Чёрт, до чего же плечи сводит! Никогда такого не было.

Чейз морщился, продолжал шевелить плечами и поглядывал на потолок.

– А кроме того, – продолжал он, – она получит очень хорошую страховку за меня в случае чего. При самом плохом раскладе, так сказать.

– И страховка сможет заменить ей любимого человека? А вашему сыну – отца?

– Конечно, нет, – фыркнул Чейз, – но, по крайней мере, я чувствую себя спокойнее, зная, что моя семья не умрёт с голоду. Что я могу сделать, если только на этой работе я чувствую себя на своём месте?

– А если вы не погибнете, а станете инвалидом из-за травмы? – не унимался водитель.

– Вот это уже будет много хуже, – кивнул Чейз. – Об этом я стараюсь не думать, потому что, опять же, никак не могу повлиять на шанс такого исхода. Лучше уж смерть. Если мне суждено погибнуть под завалами, спасая жизни, значит так тому и быть.

– Вы уверены?

– Конечно, – ответил Чейз, ни секунды не сомневаясь. – Такова судьба.

– Тогда мы приехали.

Водитель затормозил и выключил двигатель.

Глава 9.

Такси медленно ехало по тёмным улицам. Изредка фонари синхронно моргали, готовые окончательно потухнуть в любую секунду. Похоже, напряжение сильно проседало. Водитель о чём-то думал. Сейчас он не столько искал клиентов, сколько предавался размышлениям.

Перед капотом, словно из-под земли, появилась тоненькая фигурка. Водитель нажал на тормоз и машина легко остановилась. Фигура обежала такси и открыла заднюю дверь.

Внутрь забралась молодая красивая девушка. По виду, похожа на студентку. Она была одета в чёрные легинсы и красную майку. На голове – короткая мальчишеская стрижка. Высокие скулы и вздёрнутый носик придавали её милому личику чуть высокомерное выражение.

Девушка захлопнула дверь. Кажется, она захлопнулась не до конца и пассажирка вопросительно посмотрела на водителя. Тот покачал головой. Девушка вновь открыла дверцу и с силой захлопнула её, смешно сморщив носик. Водитель удовлетворённо кивнул и такси тронулось в путь.

– Как вас зовут?

Девушка ответила не сразу. Она настойчиво копалась в маленьком рюкзачке. Наконец взглянула на водителя и чуть закатила глаза.

– Оля, – у неё был приятный, чуть с хрипотцой, голос. – Только давайте сразу: я не знакомлюсь. Тем более в такси. Тем более ночью. Тем более в таком, гм, грязном.

Водитель примиряюще поднял пальцы, не убирая ладоней с руля:

– Просто хочу поддержать беседу. Чтобы скрасить поездку.

Она наконец закончила ревизию в рюкзаке, положила его на ноги, сложила сверху изящные ручки и вздохнула:

– Ну хорошо. Никак не могу вспомнить, зачем взяла такси? Мне тут идти-то... Два шага!

– Погода, – предположил водитель и кивнул на потоки дождя за окном. Ливень и не думал ослабевать.

– Ах да, – рассеянно ответила Оля, словно только сейчас заметила непогоду. – Знаете, столько дел, что бывает забываю самое простое. Приходится столько всего держать в голове. Иногда даже забываю выпить утренний смузи. А это важно для фигуры и здоровья – хорошо питаться!

Пока она щебетала, водитель старался получше её рассмотреть. Ему показалось, что на красной майке иногда проступают какие-то тёмные полосы. Словно тормозной след от шин.

– Почему всё забываете? Много работаете?

Оля встрепенулась:

– А? Да, вы знаете, у меня много что получается, поэтому приходится много чем заниматься. Мир такой большой!

Такой интересный! Нельзя упускать ни одной возможности. Особенно, если вы талантливы.

– А чем вы занимаетесь?

Кажется, Оля ждала этого вопроса. Она сцепила руки в замочек на коленке и театрально вздохнула.

– Ой, думаю, проще перечислить чем я не занимаюсь, – Оля сделала особый акцент на слове «не» и лёгким движением смахнула со лба чёлку. – Я занимаюсь танцами, английским, детским воспитанием, психологией, йогой, литературой.

Оля загибала изящные пальчики и, похоже, пальчиков не хватало.

– И вы всему этому успеваете учиться? – изумился водитель.

– Что, учиться? Нет, что вы. Я почти всё это преподаю, – она устроилась поудобнее. – Понимаете, я никак не могу определить, чем же я буду заниматься в этой жизни. Так много у меня получается всего делать хорошо, что я не могу определить, где смогу приносить максимальную пользу. Вокруг столько всего важного!

То же касается и моих отношений с людьми. Кругом столько интересных личностей! От них я узнаю что-то новое и даю частичку себя взамен. Думаю, вы заметили, что я очень общительная, да. У меня очень много друзей, знаете. Ох, как жалко, что не получается уделять время им всем.

Оля обиженно надула губки. Водитель взглянул на неё.

Почему-то ему показалось, что Оля не сильно переживала из-за этого.

– Сначала я занялась литературой, – продолжала Оля. – Я решила написать роман. Это было так увлекательно! Представляете: придумать целый мир и он будет каким вы захотите. Написала почти треть, познакомилась со столькими интересными людьми!

– Пока писали роман? – не понял водитель. – У себя дома познакомились?

– Нет, что вы! На литературных форумах, конечно. Важно не просто писать историю, а вращаться в мире литературы, понимаете? Быть в курсе всех событий, быть в тренде! Поэтому и нужно общаться с единомышленниками. Я же могу их столькому научить! На форуме я познакомилась с великолепным молодым человеком! Ах, какие рассказы мы писали вместе. Даже эротические, кстати. Это было так волнительно! А потом мы стали встречаться. Какие высокие отношения у нас были, ах! Как жаль, что нам пришлось расстаться.

Она тяжело, прерывисто вздохнула.

– Почему же вы расстались?

– Я поняла, что мне не нравятся мужчины, – легко ответила Оля. – Я встретила девушку. Ах, какие у нас были нежные чувства! Я словно парила в облаках, когда была рядом с ней. Такая, знаете, нежная апрельская весна под щебетание первых птиц.

Она мечтательно закатила глаза, томно вздохнула и про-

должила:

– Но ничего не вышло. Она тормозила меня, а мне хотелось двигаться дальше, понимаете? К новым вершинам! Но я благодарна ей, это правда. Благодаря этим чувствам я поняла, что все эмоции можно выразить только в танце. Язык тела – вот как лучше всего выражать свои чувства. И я стала заниматься танцами. В них столько страсти!

– А что с романом?

– Каким романом? – не поняла Оля.

– Ну, вы сказали, что писали роман.

– Ах роман, – Оля махнула ручкой, – нет, это уже в прошлом. Это неактуально и никому не интересно. В общем, танцы! У нас была такая дружная команда! Мы поддерживали друг друга, дружили, проводили вместе выходные. Некоторые даже становились парами, это было так интересно!

Она с минуту помолчала.

– Правда, сейчас я с ними уже почти не общаюсь. Нет, вообще не общаюсь, если честно. Знаете, они стали какие-то скучные. Всё твердят одно и то же. Всё танцы, танцы. Одни танцы на уме, как будто другого мира не существует. А мне нужно было двигаться дальше и чтобы ничего не тянуло меня назад.

Я влюбилась в одного молодого человека. Он был педагогом английского языка и я поняла, что у меня талант к языкам. Я слушала его красивую речь и она звучала как музыка. Языки других народов так легко мне даются! Это так инте-

ресно! Узнавать язык, культуры других народов. Это как открывать новые миры!

– Подождите, – водитель мотнул головой, не успевая за потоком мыслей пассажирки. – Вы же сказали, что вас интересуют девушки?

Оля пожала плечиками:

– Я заблуждалась. Просто до этого я не встретила моего человека. Человека, который смог бы по достоинству оценить меня. Осознать, кто рядом с ним. – Оля вновь сделала особый акцент, на этот раз на слове «кто».

– Но и этот мальчик оказался не таким человеком. Он не мог помочь мне раскрыться. Но зато он мне подарил тягу к языкам. – Она хихикнула, видимо что-то вспомнив. – Испанский, английский, японский.

– Вы овладели тремя языками? В вашем возрасте? Это впечатляет.

Впервые за поездку Оля смутилась.

– Ну, не то чтобы овладела. Но я близка к этому, да! Жаль, что у меня не хватает сейчас времени на языки. И с тем мальчиком я давно не общаюсь. Оно наверняка и к лучшему.

Оля вдруг замолчала и стала смотреть в окно, на чернеющие в ночи громоздкие постройки. Кажется, это был какой-то старый квартал: дорога жалась к самым стенам и, несмотря на дождь, даже получалось различить кирпичную кладку, почерневшую от времени. Она морщила вздёрнутый носик, словно силилась что-то вспомнить.

– Кажется, вы говорили, что работаете с детьми? – подсказал водитель.

– Да, – вспомнила Оля и отвернулась от окна. – Вы знаете, я поняла, что могу преподавать.

– Что именно преподавать? – поразился водитель.

– Английский язык, – невозмутимо ответствовала Оля. – Видите ли, детишкам достаточно дать только базис иностранного языка. Полностью языком они овладеть не смогут, значит и учителю полностью владеть им необязательно.

Водитель хмыкнул. А она продолжила:

– Я учила самых разных детей: дошкольников, школьников. Пару раз ко мне записывались даже студенты, мои ровесники. Но кажется, гм, их больше интересовала моя красота, а не мои знания. Так и пожирали меня глазами, извращенцы!

– Вы сказали, что учили детей. А сейчас что, уже не учите?

Она покосилась на водителя, словно он сказал беспросветную глупость.

– Конечно нет! Не спорю, это благородное и нужное дело. Но я чувствую, что способна на большее! Это же всего лишь «ин-яз» у детей. Понимаете, я узнала столько людей за свою жизнь! Я столько от них почерпнула и поняла, что сама могу помогать другим. Люди так часто живут несчастливо. Ах, это настоящий кошмар и так быть не должно. Они ходят на нелюбимую работу, живут с нелюбимыми людьми, едят неправильную еду. У них неправильный жизненный на-

строй. Они несчастливы из-за собственных мыслей, понимаете?

Водитель неуверенно кивнул.

– ...А я помогаю им найти выход. Найти дело по душе и стать счастливыми. Конечно, у меня мало практики, но я быстро учусь. Думаю, вы этого уже поняли, ахаха! У меня уже столько накоплено знаний за мою жизнь. А сейчас я еду на новые занятия по йоге, хотя никак не могу вспомнить, чтобы они находились так далеко. Мне казалось, что мне от дома дойти пешочком минут двадцать.

Она села поудобнее и выпрямила руки, положив ладони на сиденье по бокам от себя. Плечики её от этого чуть вздёрнулись. С некоторым снисхождением она смотрела на водителя, ожидая от него стандартных восхищений.

– Скажите, – начал водитель, почему-то не выказывая никакого восторга, – вам не кажется, что вы обманываете себя?

– Почему? – она поджала губки.

– Может, у вас нет никаких талантов? Я не говорю, что их нет вообще, – поправился таксист, – но вы не доводите дело до конца. Нет, у вас правда получается всё, за что вы берётесь, но только до первых трудностей. Так с делами может справиться любой человек, неважно, есть у него таланты или нет. Но как только вы встречаете первые трудности, а эти трудности встречают все, уж поверьте, вы испуганно убегаете и натываетесь на другое популярное дело. Вы сами не отдаёте себе отчёта в том, что просто боитесь неудачи. Боитесь

трудностей и того, что вы на самом деле можете не справиться. Ведь признайтесь: вы выбираете профессии не потому, что они вам нравятся. А потому, что это престижно. Что это модно. Это позволит людям начать восхищаться вами. Люди пишут романы не потому, что им нравится быть таинственными, надевать длинный красный шарф и устраивать фотосессии в осеннем лесу. Они их пишут потому, что им есть что сказать. И плевать они хотели на форумы и шарфы.

Оля молчала, поджав губки. Но не перебивала и смотрела на водителя исподлобья.

– И ведь это касается не только работы, – продолжал он, – вы заметили, что с окружающими вы ведёте себя так же? Вы милая, общительная и добрая девушка. И это чистая правда. И то, что вас, в разные периоды вашей жизни, окружало огромное число интересных людей – тоже правда. Но вы так быстро теряете к ним интерес. Как только они перестают вами восхищаться, как только вам приходится сталкиваться со сложностями понимания других людей, стать по-настоящему близкими друг другу, вы вышвыриваете их из своей жизни. И поэтому остаётесь совсем одна.

Она продолжала молчать. Лицо вдруг стало серьёзным, глаза чуть заблестели. В них появилось что-то новое. Но не злость, а обида.

Водитель помолчал, давая ей время собраться с мыслями. И продолжил:

– Вспомните всех тех, с кем вы дружили. Ведь многие из

них уже построили карьеру или, по крайней мере, нашли дело по душе. Или нашли людей, с которыми готовы провести всю свою жизнь. У них есть хобби, которым они посвящают годы и в которых они тоже преуспели.

– Их работы обычные. В них нет ничего важного, – буркнула Оля, но уверенности в её голосе не было. – Какая-нибудь продавщица в магазине или консультант в банке.

– Отнюдь, – возразил таксист и покачал головой. – Что с того, что работа человека незначительна, если он на своём месте и получает от неё удовольствие? Кто-то ведь должен продавать хлеб или помогать бабушкам оплатить квитанции? И ведь этого человека, на его простом пути, тоже поджидало немало трудностей, уж поверьте. Без простого труда и простых людей, мир так же неспособен существовать, как без писателей, психологов или учителей танцев. И вполне может быть, что без танцоров мир справится лучше, чем без продавцов.

Оля не знала, что сказать. Родители часто говорили ей нечто подобное, но все аргументы, которые она приводила в разговоре с ними, здесь не смогли бы помочь ни на дюйм. Она это чувствовала.

– Вам есть кому позвонить вечером? – продолжал таксист. – Есть кто-то, кто знает о ваших переживаниях, о ваших чувствах? Кто-то, кому не придётся пересказывать последние полгода вашей жизни, потому что этот кто-то и так всё знает? Вы любили когда-нибудь по-настоящему? А не

потому, что это модно. Олечка, не подумайте, что я хочу вас обидеть. Ни в коем случае.

Её губы задрожали. Но она вздохнула и взяла себя в руки:

– Я поняла. Нет, я правда поняла. Я... Я даже не знаю что умею на самом деле. Эти мысли, о чём вы сейчас говорили, они приходили мне в голову. Причём последнее время особенно часто. Все вокруг чего-то добиваются, заводят семьи, а я всё топчусь на месте! Раньше они завидовали. Ой, Оля, как ты классно танцуешь, а вот я так не умею. А не умели они танцевать, потому что у них не было времени на танцы. А потом они закончили учёбу, нашли работу, наладили жизнь и теперь у них есть время на танцы! Но кроме танцев у них есть работа и семья!

Она расплакалась.

– Но я справлюсь, честно! Я найду старых друзей, я буду их слушать, буду их понимать! О, какие у меня замечательные друзья, они обязательно мне помогут. В конце концов, те же танцы: я ведь могу довести их до совершенства. Как будто глаза открылись! Теперь я понимаю, что мир так сложен! Я и раньше это говорила, да, но не понимала смысла. А теперь я наконец-то не боюсь признаться в своих ошибках.

– Боюсь, что мы приехали.

Такси плавно подъехало к поребрику и остановилось. Двигатель последний раз чихнул и затих.

– Уже? – Глаза Оли были большие и блестящие, как у испуганного совёнка.

Водитель покивал и отвернулся от неё.

Глава 10.

В машину забралась дородная дама в старомодном летнем платье, расшитом полевыми цветами. Не то чтобы она была прямо толстой, скорее полной. У дамы была незамысловатая прическа. Одна из тех, которую делают не для коктейльной вечеринки, а чтобы хорошо выглядеть, пока занимаешься домашними делами. На таксиста взглянули добрые, усталые глаза. По салону стал разливаться едва уловимый запах духов, напоминающий о домашнем уюте.

Она аккуратно закрыла дверь, подобрала подол платья и села поудобнее. Убедившись, что пассажирка закончила приготовления, таксист кивнул и машина отправилась в путь.

– Ой, – встрепенулась женщина, – я же забыла поздороваться! Меня зовут Лаура, здравствуйте! Вы извините меня, сегодня у меня почему-то жутко болит голова.

В подтверждение своих слов она поморщилась и потёрла висок.

– Возможно, погода, – сочувственно предположил водитель.

Она взглянула на потоки дождя за окном, как будто только что их заметила. Лаура машинально взглянула на своё совершенно сухое платье и вновь потёрла висок.

– Никак не могу вспомнить, купила я мясо на ужин или

нет, – пробормотала она. – Ох, совсем вылетело из головы. Его ведь надо ещё разобрать, промариновать. А гарнир? Когда я успею приготовить гарнир? А о десерте и подумать страшно!

– Готовите на большую семью?

Лаура оживилась:

– Да, у меня большая семья, вы правы. Пять детишек. Старшему уже шестнадцать, а младшенькой только исполнилось четыре. Я бы показала вам фото, но, кажется, я забыла сумочку дома... Как же я с вами расплачусь...

– Должно быть, тяжело справляться с пятерыми? – Водитель сбавил скорость перед внушительных размеров ямой и быстро взглянул на пассажирку.

Лаура махнула полной рукой:

– Нет, что вы! Это же так здорово! Видеть, как появляется и растёт маленькая жизнь. Вы же можете переживать все великолепные события вместе со своим ребёнком: первые шажочки, первая ложка каши, первое слово, первый класс и первая любовь! Вы как будто проживаете ещё одну жизнь. А теперь помножьте это счастье на пять. А-ха-ха!

У неё был лёгкий смех, словно звонил серебряный колокольчик. Водитель смотрел на неё с нескрываемым удовольствием. Машина поехала чуть медленнее.

– Вы замужем?

– Да, – опять с удовольствием ответила Лаура, – у меня прекрасный муж. Ах, как мы любим друг друга! Мы пожени-

лись на пятом курсе, представляете? Родители, конечно, были против, но что эти запреты для влюблённых? Он тихонько кидал камушки мне в окно – это было условным сигналом и я прокрадывалась мимо спальни родителей на улицу. Мы хватались за руки и бежали на речку шептаться под луной. Ах, как это было прекрасно! Могли до утра так просидеть. Сейчас думаю: там ведь наверняка было жутко холодно. Но что холод для влюблённых? То же, что и родительские запреты! А-ха-ха!

Такси подпрыгнуло на железнодорожном переезде. Дальше, на путях, угадывалась громадина ржавеющего локомотива.

– Конечно, по началу было тяжело, – продолжила Лаура, вновь уместившись на сиденье после тряски. – Особенно, когда родился Николас, наш первенец. Мы тогда жили в общезжитии. Ох, как вспомню. Все эти пелёнки, недовольные лица соседей. Вечные пьянки этих недовольных соседей. А приготовить покушать? Особенно, когда Николас подрос. Приходилось продавливать ему цветную капусту через марлячку: блендеров тогда не было! Но продолжалось это недолго: после того, как я родила, родители наконец поняли, что мы серьёзно. Поворчали, конечно, но сняли нам квартиру. Потом кончился институт, мой супруг устроился на работу и дела пошли на лад. Ну и государство нам помогает, конечно. Так что мы не жалуемся. Живём припеваючи.

Она сложила руки на животе, словно хотела обнять ко-

го-то.

– Никогда не уставали от такой суеты? Это же ни минуты покоя.

– Как от такого можно устать? – Лаура звонко рассмеялась. —И муж никогда не капризничал. А то постоянно слышу от подруг: «Ой, мой-то устал совсем от дочкиных криков, убежал на рыбалку». Мой Джон этого никогда не понимал. Действительно, как можно устать от плача собственного ребёнка? Просто сделай так, чтобы он не плакал, а смеялся, вот и весь секрет. Столько лет с ним вместе, а никогда серьёзно не ссорились. Бывает, конечно, поворчим: если дети что-то учудят или кто-то из нас устал за день. Но это так, дела житейские, верно? Бывает, проснёшься чуть раньше, но ещё не встаёшь, а просто валяешься в кровати. И тут слышишь топот маленьких ножек: кто-то из детей проснулся и бежит к тебе в кровать, чтобы быстрее обнять тебя и расцеловать. Обнимешь, включишь мультики и валяешься с ней в обнимку. А тут просыпается её братик и тоже бежит к тебе босыми пятками и тоже лезет целоваться и обниматься. И слышишь, как проснулся старший и перед тем, как уйти на учёбу, возится с младшей. Младшенькая хохочет, знаете, заливается детским смехом, когда ребёнку аж не хватает воздуха от радости.

Лаура искренне улыбалась. Но таксист замечал всё ту же тяжёлую усталость в глубине глаз.

– Но в любви к детям есть и плохая сторона, – продол-

жила она. – Конечно, за них боишься. Ребятишки могут пораниться, пока исследуют мир, могут заболеть. А особенно если их пятеро, то уследить за ними бывает очень тяжело. Как-то раз я готовила для Леи завтрак, она вертелась тут же. Уж не помню, с чем она играла, просто сидела за столом и с чем-то возилась. Тут звонок в дверь. Ну, думаю, какой-нибудь курьер или что-нибудь в этом роде. Явно дело на одну минуту. А это оказался полицейский, вы представляете?! Привёл моего старшего. У меня аж сердце в пятки ушло! Как оказалось, мой сын защитил девочку и надавал по шее двум хулиганам, но это выяснилось потом, а в тот момент его привели за нанесение телесных повреждений! Представляете мою реакцию? И вот, мы с полицейским разговариваем, рядом стоит хмурый Марк и шмыгает разбитым носом, а тут с кухни доносится душераздирающий вопль Леи! Я аж похолодела! Мы все втроём бежим на кухню. Оказалось, моей бедной малышке стало скучно, она решила исследовать включенную плиту и схватилась ладошками за раскалённую решётку! Вот так вот всего за один день я чуть не заработала два инфаркта!

– Ожог ведь был небольшой? – уточнил водитель.

– Слава богу, неопасный. Она больше от страха закричала, чем от боли.

– А ваш старший, Марк, получается, не сделал ничего дурного?

– О да, – с удовольствием ответила Лаура. – Он у меня

молодец. Ему ещё потом грамоту дали за это дело. Даже в газете статья была.

– То есть, получается, что переживали вы зря? И почти на ровном месте, как вы сами сказали, чуть не заработали два инфаркта?

– Знаете, – пробормотала Лаура, – я как-то не смотрела с этой стороны. Вообще, если задуматься, я правда очень близко к сердцу принимаю всё, что связано с моими детьми. Да, я знаю, что это очень вредно для здоровья – так много переживать, но я ничего не могу с собой поделать. Ведь они и мой муж – это вся моя жизнь, понимаете? Без них я никто. Меня просто нет.

Она почему-то вздохнула. Водитель быстро взглянул на неё. Лаура неспеша разглаживала складки на платье. Она смотрела в окно, во тьму и время от времени приоткрывала рот, будто собиралась что-то сказать. Водитель ждал. Такси ехало с минимальной скоростью. Эта тишина продолжалась довольно долго. Наконец, Лаура заговорила:

– У вас не бывает такого, что вы ненавидите себя за свои мысли?

– Бывает, – пожал плечами таксист. – А вы ненавидите себя?

Лаура вновь поморщилась и потёрла висок.

– Не то чтобы прямо ненавижу. Просто... Я люблю свою семью, честное слово. Причём в любой день, что бы они ни делали. На сколько бы я или они ни устали за день. Но иногда

я думаю о другом. О том, что у меня нет работы. Нет увлечений. Я никак не реализую себя, понимаете? У меня не то, что на хобби, у меня нет времени кино посмотреть раз в неделю. Но мне нравятся домашние хлопоты. С самого детства я обожала готовить с мамой и бабушкой, помогала убираться и строила детский садик для своих игрушек. А любимая игрушка – это детская кухня. Вы бы видели какие блюда я лепила из пластилина! Во дворе любимая игра – дочки-матери, конечно. Угадайте, кто всегда был мамой? И сейчас мне всё это не в тягость, но иногда эти мысли, про хобби, про работу, вылезают откуда-то из глубины. И я ненавижу себя за них!

– Зачем же терзать себя? – поразился таксист. – Вы хороший человек, Лаура, но не нужно заниматься самопожертвованием. Нельзя ведь жить только для других. Вы тоже личность. Для чего-то же вы поступили в институт? Кем-то же вы хотели стать после учёбы? Ладно, это было давно, но вы можете, как минимум, написать пособие о воспитании детей.

Лаура энергично замотала головой:

– Нет-нет! Мне кажется, что этим я предаю свою семью. Я чувствую себя эгоистом!

– Вы неправы, – мягко сказал водитель. – Так можно и с ума сойти. Нельзя пожирать себя изнутри. Ваша семья же вас любит и хочет, чтобы вы были счастливы. Кем они себя будут чувствовать, если узнают, что с ними вы несчастны? Пусть хотя бы отчасти. Никто же не говорит, что нужно уезжать от них в другую страну на целый год. Поймите, что вся жизнь

рискует пройти мимо вас. А жизнь не бесконечна, прошу заметить. Вы не берёте у детей время займы, чтобы потом получить его обратно, когда они вырастут. Время для себя – это очень важно и не так уж страшно. Вот чем вам нравится заниматься, кроме дома и семьи? Постарайтесь вспомнить, что было интересно вам раньше?

Лаура задумалась.

– Вообще, – пробормотала она задумчиво, – в юности мне нравились танцы. Да, понимаю, что с моими габаритами это звучит смешно, но я же такой была не всегда. Ах, как мне нравилось танцевать! А я вам не говорила? Мы же познакомились с мужем на танцевальных уроках. До этого вообще не замечали друг друга, представляете? Хотя учились на одном потоке. И там, под лунной, когда мы убегали из дома, мы танцевали! Кружились под лунным светом. Он у меня был такой романтик в молодости.

Водитель промолчал.

– Да, получается, муж бы меня точно понял. Может, вы и правы? Необязательно же целыми днями стоять у плиты? Один денёчек, а? В неделю. Ну или вечерок. Начать с малого. Мне и дети последнее время говорят: «Мама, у тебя уставший вид». Уже и голова болит без перерыва, честно сказать. Даже таблетки не помогают.

В подтверждение своих слов, она потёрла висок.

– Или, постойте, я же могу заниматься со своими детьми! Ах, как это будет здорово! Мы ведь можем с мужем вспом-

нить наш танец. А наша средненькая, она прекрасно...

Такси остановилось. Водитель вздохнул и повернулся к пассажирке:

– Мы уже приехали.

Она запнулась на полуслове и неверяще посмотрела на него:

– Что, уже?

– Боюсь, что так, – ответил таксист и отвернулся.

Глава 11.

Задняя дверь открылась. На сиденье аккуратно сел худой мужчина средних лет в изящных очках. Он был одет в простенький деловой костюм асфальтового цвета. Тонкие, длинные, как у пианиста, пальцы пробежались по пуговицам и пиджак распахнулся. Пассажир был по-настоящему худ, бледные щёки ввалились, но он не выглядел больным. На руке у него блеснули дорогие часы известной марки, так плохо сочетающиеся с дешёвым костюмом.

Пассажир аккуратно закрыл дверь, убедился, что она не откроется и повернулся к водителю:

– Здравствуйте. Меня зовут Ксандр. Мы можем ехать.

Водитель кивнул и такси с лёгким шелестом отправилось в путь. Ксандр сразу потерял интерес к таксисту и стал смотреть в окно. В потоках дождя угадывалась набережная с покореженным ограждением. Пассажир поморщился и потёр грудь в области сердца.

– Пошаливает? – хмыкнул таксист.

Ксандр мотнул головой:

– Никогда не беспокоило, так что сам удивляюсь. Весь день сегодня тут колет. Хотя сердечные боли, конечно, выглядят совершенно по-другому, можете мне поверить. Если вы показываете боль в области груди одним пальцем, то это точно болит не сердце. А вот если вы, чтобы описать боль,

используете всю ладонь, то скорее всего, нужно идти к кардиологу.

– Вы врач?

– Доктор, если быть точным, – поправил его Ксандр. – Нейрохирург.

– Ого.

– Да, работа сложная, – без тени самодовольства сказал Ксандр, – но она по-настоящему важная. Я, без преувеличения, горжусь своей работой. Счастлив этим заниматься и счастлив, что у меня эта работа получается.

Он вновь с силой потёр грудь, чуть согнувшись.

– Что-то вы не очень похожи на счастливого человека, – заметил водитель.

Ксандр дёрнул щекой, продолжая смотреть в темноту за окном.

– Да как-то, знаете... Всё вечно раздражает. Всё вечно мне не так, – ответил он с горечью.

– Тяжёлая работа, – понимающе кивнул водитель. – На такой работе не может всегда идти всё гладко. Всех не спасти...

Ксандр махнул рукой. Золотые часы блеснули в свете уличных фонарей.

– Это понятно, что всех не спасти. Это первое, чему должен научиться будущий врач: стать чёрствым, как бы жутко это ни звучало. Доктор должен дистанцироваться от своих пациентов. Видеть в них только диагнозы, которые надо победить. Нельзя видеть в них детей, чьих-то мужей, успешных

танцовщиц или лучших друзей животных. Потому что, как вы правильно сказали, всех их спасти вы не сможете. И если вы будете к ним привязываться, то рано или поздно, а скорее рано, чем поздно, вы сойдёте с ума. Или сопьётесь. Или выйдете в окно. Или сначала сопьётесь, потом сойдёте с ума, а потом выйдете в окно.

Ксандр замолчал. За окном летела всё та же набережная. За ней, на чёрной глади воды, угадывались очертания какого-то ржавого, замершего навсегда корабля.

– Как-то очень мрачно звучит.

– Да, так и есть, – пожал плечами Ксандр, – но это прекрасная работа. Сложная, но прекрасная. Нужно соблюдать правила врачебной этики и с вами всё будет в порядке.

– Но, видимо, всё-таки не всё в порядке? – аккуратно уточнил водитель. – Раз вас всё раздражает.

– Да я не про работу. Точнее, не только про работу. Понимаете, с самого детства меня всё раздражает.

– Так уж прямо всё?

– Ну... Практически всё. Когда-то я вычитал, что человечество выбралось из пещер только благодаря вечному недовольству. Мол, если бы всех всё устраивало, то люди бы так и сидели и не чесались. А вечное недовольство окружающей действительностью заставляло их шевелить мозгами, изобретать орудия труда, способы охоты, что в конечном счёте и воздвигло нашу цивилизацию. И сейчас этот механизм психики, хотя в нём уже нет никакой необходимости, продол-

жает действовать. Именно поэтому нам всего всегда мало. Сколько бы мы ни зарабатывали, нам всегда захочется ещё. Нам всегда нужен дом получше, а свободного времени побольше. Мы будем недовольны любой работой, любой погодой и любому времени года. И всё для того, чтобы мы двигались дальше, развивались. Но мы никогда не можем достичь того предела, когда могли бы выдохнуть и, наконец, насладиться моментом.

– И вот, похоже, у меня это чувство возведено в абсолют, – вздохнул Ксандр. – Всё время мне кажется, что делаю я недостаточно, что могу больше. Да, это приносит свои плоды. Например, я в свои тридцать пять работаю в лучшей клинике столицы. У меня хороший дом, хорошая машина и вообще, в принципе, с деньгами особых проблем нет. И вот, кстати, на юбилей начальство часы подарило.

Ксандр продемонстрировал золотые часы. Водитель посмотрел на них в зеркало заднего вида, уважительно выпятил нижнюю губу и кивнул.

– Вы, наверное, сильно устаёте от такой нагрузки.

– Да несильно, – пожал плечами Ксандр. – Я больше устаю от своего постоянного недовольства всем вокруг. И от всех.

– При вашей профессии странно уставать от людей, – хмыкнул водитель.

– Я не совсем корректно выразился, – уточнил Ксандр. – Меня ни в коем случае не раздражают все люди. Только люди недалёкие, хамоватые. Что называется, быдло. Да, я пре-

красно понимаю, что слишком близко всё это принимаю к сердцу. Что мир не переделаешь и он всегда будет состоять, в основном, из подонков и из тех, кому плевать на остальных. Но это я понимаю умом, а вот сердцем, – Ксандр вновь поморщился и взялся за сердце, – сердцем я всегда чувствую гнев и раздражённость. И это медленно убивает меня, я это чувствую. Хотя прекрасно понимаю, что большинство людей, по сути, не делает ничего плохого. Да, они не очень образованные, да, они шумные или ругаются в общественных местах. Но в этом же нет ничего ужасного, правда? В конце концов, они же не расстреливают людей на улицах! Но мне, в моём воспалённом сознании, их поведение кажется чем-то отвратительным, ужасным. Что они всё это делают только для того, чтобы испортить другим жизнь. Хотя они, скорее всего, даже не задумываются об этом и не то, чтобы хотят кому-то навредить. Просто такие люди, с таким характером.

– Вы так правда убьёте себя, – согласился водитель. – Из-за этой злобы вы не заметите, как жизнь пролетит мимо вас.

– В том-то и дело, что я понимаю это, – с горечью воскликнул Ксандр. – Сколько прекрасных моментов пролетает мимо! Замечаю, что вот сейчас вроде бы момент, которым можно насладиться, но находится что-то, что выводит меня из себя: соседи, новости, лай собаки во дворе и чёрт знает что ещё! А вот что делать с этим, ума не приложу.

– Вы же врач, – напомнил водитель. – Кому, как не вам знать ответ.

Ксандр усмехнулся и посмотрел на свои шикарные часы:

– Вот тебе и бренд! Уже не ходят! – Он потряс хронометр, приложил к уху, убедился, что они не работают и потерял к ним интерес. – Вы правы, я врач. Точнее, доктор. Но в контексте собственных болезней единственное, что может сделать доктор – это констатировать наличие болезни. Однажды я видел разговор двух интернов у нас в клинике. Они смотрели историю болезни пациента и один спросил другого: «Ну что – что там по анализам?». А другой ему отвечает: «Одно могу сказать точно – мужик болеет». Также и самолечение у доктора. Он может понимать, как и любой другой человек, что с ним что-то не так, но вот лечиться ему надо не самому. Ему надо обратиться к своему коллеге. Но любой мой коллега только махнёт на меня рукой: лечат серьёзные заболевания, а тут так, лёгкая депрессия. Я знаю, что они скажут, уж поверьте. Попить травушки успокоительные, съездить на природу. Это я и так знаю. Знаю, но не делаю. Вся моя жизнь – это сплошная спешка и беготня к новым целям. Мне всё время кажется, что вот, ещё чуть-чуть и я наконец-то обрету счастье. Что вот – новая должность и всё. Вот новая зарплата и заживу по-новому. Перееду и тогда наконец-то меня ничего не будет трогать.

– И как? Помогает?

– Конечно нет! Ведь дело не в переездах, а в том, что я привык так реагировать на всё вокруг. Я и сам прекрасно понимаю, что вся жизнь проходит мимо. Моя жизнь. Она такая

скоротечная, уж можете мне поверить. Сколько я видел таких пациентов. Когда их дни сочтены, они радуются каждому отведённому дню, каждому часу. Какая у них радость на лице, когда они видят рассвет! Ведь это может быть последний рассвет, который они увидят в своей жизни. На пороге смерти как никогда чувствуешь себя живым.

Как-то к нам доставили мужчину с черепно-мозговой. Тяжёлой очень. Как я говорил, стараюсь не лезть в жизнь пациентов. Я лезу только в их смерть, – усмехнулся Ксандр, – но про него краем уха услышал, что он пьяный упал с пешеходного моста. В общем, травма и так серьёзная, а алкоголь очень затрудняет любое лечение. Провозились с ним более пяти часов. Еле вытащили. Потом медикаментозная кома, тоже было крайне мало шансов, что очнётся.

И всё-таки очнулся. Поначалу, конечно, не до радости ему было: восстановление после таких травм очень непростое и очень болезненное. Но потом, когда он окончательно очнулся, я видел на его лице искреннюю радость. Он радовался каждому моменту, несмотря на боль, несмотря на инвалидность, он понимал, что даже этих белых стен, насквозь пропитанных запахом лекарств и смерти, он мог бы никогда не увидеть. Можете представить, что с ним было, когда он впервые после травмы попал в наш внутренний сад? И как радовались его близкие? Шелест листвы, пробивающиеся сквозь неё лучи солнца были для них самым дорогим на этом Свете.

А остальные видят все эти прекрасные вещи каждый день

и не обращают на это никакого внимания. И я поступаю точно так же. А ведь мы никогда не узнаем, какой из рассветов станет для нас последним.

Водитель быстро взглянул на него. Его глаза блеснули.

– Но, – продолжал Ксандр, – я должен что-то изменить. Нужно избавиться от этой злости, пока не слишком поздно. Пока она не сожрала меня.

Машина подпрыгивала на рытвинах и выбоинах. Они продолжали ехать мимо давно заброшенной набережной. В полумраке угадывались полуразрушенные киоски и урны, заваленные кучами мусора.

– Как же вы хотите всё изменить?

– Нужно взять перерыв, – уверенно ответил Ксандр. – Остановить этот безумный бег. Как выясняется, бег по кругу. Он ни к чему не приведёт. Бог с ней, с карьерой. Поеду в отпуск. Мы с женой всегда хотели путешествовать. Моя родная, она вечно сидит дома одна. Знаете, я ведь и ею вечно недоволен. Тоже постоянно цепляюсь по всяким пустякам. А она у меня такая кроткая, всё молча стерпит.

– Вы никогда не ездили в отпуск? – удивился таксист.

Ксандр с горечью махнул рукой:

– Да какое там! У нас и медового месяца-то не было. Всё работа, работа. А она всегда терпит это. Она считает, что я не могу прекратить спасать людей. А ведь я работаю без продоху только за тем, чтобы заработать больше денег. Чтобы улучшить жизнь в надежде, что это прекратит бесконечное

раздражение. Бедная, она уверена, что я раздражаюсь из-за того, что на работе что-то идёт не так. Старается сгладить углы, как-то приспособиться. А ведь она тоже живой человек! Со своими чувствами, мыслями, идеями.

– У вас есть дети?

Ксандр помолчал.

– Нет, – наконец сказал он. – Хочется детей, правда. И супруга не против, я точно знаю. Но всё опять же упирается в мой мерзкий характер. Представляете, кого я воспитаю?

– По-моему, вы сгущаете краски.

– Как и всегда, – вновь усмехнулся Ксандр. – Думаю, вы правы и я опять придумываю самые худшие варианты. Отчасти, это профессиональная привычка. Но дети... Уж если даже не ради себя, то хотя бы ради жены. Раз уж я хочу сходиться с ума, она не должна лишаться счастья материнства из-за этого.

– Поедем с ней в отпуск, – повторил пассажир. – Какое-нибудь тихое место. Знаете, загородный домик, речка. Чтобы никакой суеты, чтобы щебетание птиц и шум воды. И только мы вдвоём. Остановить наконец бег. Подумать. А там, глядишь, я и научусь этот покой переносить и в остальную свою жизнь. И надо взять это за правило. Своих собственных демонов победить невозможно, это правда, но хотя бы научиться жить с ними, думаю, вполне возможно. Может, и работу стоит сменить. Вернуться к научной деятельности, писать научные статьи. Опять же можно будет переехать за

город.

Ксандр замолчал. Он морщился и тёр сердце, оттопыривая серый пиджак. Такси уже минут пять как стояло на парковке. Дворники скрипели, с трудом смахивая непрекращающийся дождь. Водитель убедился, что пассажир больше ничего не хочет добавить и сказал:

– Мы приехали. На этом всё.

Глава 12.

Водитель положил руки на шею и запрокинул голову, разминая мышцы. Затем он вздохнул, ладони нашли привычное место на руле. Щелчок – и мерзкий скрип дворников прекратился: водитель решил посидеть в тишине. Дождь настойчиво барабанил по крыше.

Задняя дверь открылась и вместе с прохладой ночного дождя в салон ворвался мощный запах духов. Водитель аж встрепенулся. Внутрь забралась симпатичная молодая девушка в форме стюардессы небесного цвета. Светлые волосы были собраны в аккуратную прическу, спрятанную под миленьким беретом такого же оттенка. Глаза были большие, они излучали радость и какое-то детское удивление. Так удивляются дети, впервые увидав всё, что угодно: от слона до солнечного зайчика. Она привычно улыбнулась:

– Здравствуйте, меня зовут Алла! Добро пожаловать на наш борт и... Ой! Чего это я?

Она смутилась и закусила губу.

– Понимаю, профессиональное. – водитель приветливо улыбнулся.

Такси отправилось в путь. Как только дворники продолжили свой скрипучий ход, водитель тяжело вздохнул. Алла смешно морщила носик:

– Что-то я совсем запуталась в этих часовых поясах. Та-

кой туман в голове! Совершенно не помню, утро сейчас или вечер. И где мы конкретно...

Она пробормотала что-то ещё и попыталась что-либо рассмотреть в окне. В ночной тьме угадывались массивные стволы деревьев и, кажется, какие-то заброшенные избы.

– Думаю, вы слишком много работаете, – предположил водитель.

– Нет, что вы, – она махнула изящной ручкой, – мне моя работа нравится, совсем для меня не в тягость.

– А что вам в ней нравится?

– Ой, да почти всё! Разве что всякие неадекваты пьяные, но это редкость, так что не стоит обращать на них внимания.

Она звонко рассмеялась и продолжила:

– Но в остальном это же так здорово! В небе очень красиво. Все эти облака, которые так близко. А земля внизу – такая крохотная, как игрушечная. Три года работаю, а не перестаю удивляться. А страны? Я вижу столько интересных городов, в которых в жизни не побывала бы сама. Понимаете, я выросла в простой семье, небогатой. Учиться мне никогда особо не хотелось, больше хотелось знакомиться, общаться! Ну, вы понимаете. Но я не хотела себе находить «папика», как мои подруги, ну уж нет! Но всё равно я хотела путешествовать, общаться с людьми! И эта профессия – настоящее спасение для меня. Тут есть всё, что мне нужно!

Водитель внимательно смотрел на неё. В отблесках фонарей ему показалось, что форма Аллы опалена пожаром, но

через мгновение наваждение прошло. Её глаза сияли искренней радостью. Таксист удовлетворённо кивнул:

– Так хорошо, что вам нравится ваша работа. Это очень важно, что человек находится на своём месте.

Алла вновь обольстительно улыбнулась:

– Большое спасибо, так приятно! Знаете, часто я первый человек, которого видят пассажиры при полёте в новое место. Так приятно им помогать, успокоить их. Кто-то от чего-то бежит, кто-то первый раз летит в отпуск, а кто-то летит на встречу к любимым! Это так здорово! Я слышала так много прекрасных историй! Они все такие разные. Когда мы летим, прямо в воздухе чувствуется энергия новых приключений, новых историй. Мы как бы находимся в начале новых путешествий и никто не знает к чему они приведут. Понимаете, о чём я?

Водитель с готовностью кивнул.

– Ну и иногда можно чуть попользоваться служебным положением, – она хихикнула. – Например, сегодня я лечу на юбилей к своей сестре. И меня взяли на борт бесплатно! Правда, вот форму пришлось надеть, чтобы пройти через спецтерминал, но это ведь ерунда. Она для меня уже как родная.

– Многие бояться летать. Даже если лететь им нужно один раз в жизни. А вы? Вы же летаете каждый день.

Алла пожалала изящными плечиками:

– С такими страхами в нашей работе нечего делать. У нас

как-то не принято говорить об авиакатастрофах. Мы же все когда-нибудь умрём, верно? Так что бояться? От судьбы всё равно не уйдёшь. Если мне суждено умереть, то это произойдет, даже если я запрусь в комнате с мягкими стенами.

– То есть смерти вы не боитесь?

– А чего мне её бояться? Важно не то, сколько вы проживёте, а то, что вы успеете сделать.

– Ого, – искренне удивился водитель, – мало кто может сделать такие выводы в столь юном возрасте.

Алла покраснела и стала ещё больше похожа на ребёнка.

– И как? – спросил таксист. – Например, к сегодняшнему дню вы сделали достаточно? Если бы ваш часок был близок?

– Конечно, нет! – возмутилась Алла. – Мне ещё столько всего надо увидеть! Со столькими людьми познакомиться. И ещё я мечтаю найти свою любовь, завести детей. Нельзя же останавливаться на одном небе. Ах, как много прекрасных детей я вижу. Некоторые сорванцы, конечно. Но это ерунда. Они, бедные, так начинают пугаться, когда самолёт в турбулентность входит. На этот случай, у меня в кармашке всегда есть пара конфеток. В виде мармеладных мишек. Малыш сразу растеряется и уже не так боится. Ловко я придумала, правда? Хотите одну?

Она выудила из кармана красного мармеладного мишку, повертела в руках и отправила в рот. И тут же скривилась, как будто съела лимон:

– Фу, да он же совсем безвкусный! – в её голосе звучала

детская обида. – Испортился, что ли?

Она с отчаянием вертела головой, пытаясь придумать, как избавиться от несчастного медведя. Водитель кивнул ей на окно. Алла навалилась на ручку стеклоподъёмника, та со скрипом и неохотой подалась. Стекло чуть опустилось, Алла швырнула в темноту конфетку и вновь навалилась на ручку. Прежде чем окно закрылось, до слуха водителя донёлся далекий, надрывный гул авиационного двигателя.

– Так когда вы будете заниматься семьёй и карьерой, если постоянно в небе? – спросил таксист, стараясь отвлечь пассажирку от истории с мармеладным мишкой.

– Ох, – вздохнула Алла, – я сама себе задаю этот вопрос. Особенно в середине полёта, когда дел особых нет и ты сидишь, смотришь на подсвеченные солнцем облака. Такие красивые, что аж дух захватывает. И думаешь: вот бы поделиться с кем-нибудь этой красотой. Прийти домой после рейса, завернуться вдвоём в плед и рассказывать, рассказывать про небо.

– Может, вы встретите кого-то среди пассажиров? – предположил водитель.

– Это вряд ли. Они все летят или с жёнами, или летят к ним, или от них. Или слишком старые, или вообще противные. А сколько всяких дураков летает? Ужас. То он врёт, что у него бомба в сумке, то напился и ему не уgomониться, то другому кажется, что самолёт не в ту сторону летит. Знаете, после всех этих историй не всегда получается видеть в них

женихов.

– Ну хорошо, – согласился водитель, – вы сказали, что собирались к сестре на юбилей?

– Да, – оживилась Алла и тут же нахмурила тонкие бровки. – Вот только я никак не могу вспомнить, я уже прилетела или только собираюсь улететь? Ох, совсем я запуталась с этими поясами часовыми.

– Думаю, вам стоило бы делать такие отпуска почаще. Брать перерывы в работе, чтобы иногда спускаться на землю. В прямом смысле этого слова. Да, у вас специфичная работа и график, но это не повод отказываться от личной жизни. Вы сами чувствуете, что одиноки. Многие молодые люди отмахиваются от этих мыслей, потому что уверены, что у них впереди полно времени. Но они заблуждаются: жизнь очень скоротечна, уж можете мне поверить.

Алла вздохнула:

– Ах, конечно вы правы. Я и сама это прекрасно понимаю, поэтому и лечу к сестре. Хочу, так сказать, начать с простого. А вообще, вы мне напомнили о таких серьёзных вещах. Обычно о них как-то не думаю. Я ведь как устроилась на эту работу, так ни о чём больше и думать не могу. Это ведь такая красота! Или я вам уже говорила? Конечно, у меня впереди ещё куча времени, но надо бы уже думать о будущем. И у мамы я так давно не была... Точно! Сейчас слетаю к сестре, а оттуда, вместе с сестрой, полечу к ней! Ой, как давно я не была в родных краях! Знаете, такой милый, тихий го-

родок. Как рисуют на открытках. Ах, наверняка на меня нахлынет ностальгия, ха-ха-ха! Там у меня и друзья остались. Интересно, как они поживают? О, а в следующий отпуск я слетаю в Амстердам! Когда мы туда летали, я влюбилась в этот город. Там так чудесно! Я же могу выбирать места для отпуска, потому что бываю в таких замечательных городах! Да, обязательно буду находить на это время. И где-то там, в этих городах, меня наверняка ждёт он.

– Как же вы будете строить семью с такой работой?

– Уйду с работы, – легко ответила Алла. – Я же не буду работать стюардессой до пенсии. Представляете, поднимаетесь на борт, а там старушка-стюардесса! А-ха-ха! Я бы на такое посмотрела. У нас, знаете, строго со стандартами красоты и возрасту. Сейчас пару лет ещё поработаю и всё, на заслуженный отдых. Если получится, устраюсь в школу стюардесс инструктором или, не знаю, буду писать книги об историях своих пассажиров. Ведь столько классных историй можно услышать в полёте!

Колеса зашуршали по гравию, съезжая на обочину и такси остановилось. Алла непонимающе озиралась вокруг себя, рассматривая частные дома, в которых не было и грамма жизни. Покорёженные изгороди гнили под проливным дождём. Эти места странным образом казались ей знакомыми. Она вопросительно посмотрела на водителя.

– Вы правы, – сказал он, – очень важно занимать своё место в мире. И гордиться им, и наслаждаться. И интересные

истории жизни других людей очень интересны, это точно.
Но, к несчастью, мы уже приехали. Вам пора.

Глава 13.

Такси с трудом пробиралось через промзону. Редкие фонари освещали серые бетонные заборы и какой-то хлам на обочине. На разбитой автобусной остановке стоял человек в рабочей робе и голосовал. Машина остановилась возле него.

Внутри забрался мужчина с недельной щетиной. Это был опухший, уставший человек с запавшими глазами и сильным запахом алкоголя и ацетона. Тем не менее держался он бодро.

– Приветствую, шеф, – сказал пассажир и развалился на сиденье. – Можем ехать.

Водитель кивнул и они отправились в путь.

– Командир, у тебя тут выпить нету ничего? Я ж знаю, что у таксёров припасено всегда на продажу.

Таксист молча мотнул головой.

– Кончилось, значит, – понимающе кивнул пассажир и вздохнул. – Ну ладно, на сухую поедем. Меня Антоном зовут.

– Очень приятно. Вы едете с какого-то праздника?

Антон засмеялся. Смех у него был неприятный. Запах алкоголя усилился.

– Ты чё, шеф? Какой праздник? С работы я еду. Так что имею полное право выпить ещё.

– Гм, так вы, кажется, уже выпили?

– А, ты про запах что ли? Дык это давнишнее, со вчера ещё. Эх, сейчас приеду, пивка хлопну, посмотрю какую-нибудь хрень по ящику и можно поспать. Работа тяжёлая у меня, понимаешь?

– Понимаю, – ответил водитель и покосился на кольцо на пальце пассажира. – Вы женаты?

– Да, а чё? Женат уже десять лет как. Две дочки у меня. Покоя вечно не дают: папа то, папа это. То играй с ними, то гуляй. Жена тоже вечно недовольна. Всё ей не так.

– Но, получается, что вы много пьёте, – аккуратно уточнил водитель. – С чего бы ей быть довольной?

– Пфф, а кто не пьёт? – Антон отмахнулся и стал загибать пальцы. – На работу я хожу? Хожу. Деньги ей отдаю? Отдаю. Чего ей ещё надо?

– Вряд ли она выходила замуж для этого, – заметил таксист. – Думаю, она хотела, чтобы вы были опорой, другом для неё. А ваши дети хотели бы, чтобы у них был настоящий папа. Как вы познакомились?

– Уф, эт давно дело было. После школы ещё. Ну, знаешь, тусили в одной компании, а потом как-то завертелось всё и вот. – Пассажир выписывал руками какие-то непонятные символы.

– «Тусили вместе», значит, вместе и пили?

– Дааааа, – мечтательно протянул Антон. – Золотое время было. Ни детей тебе, ни жены. Ой, то есть жена была, но только не была ещё женой. Ну, ты меня понял! Умела она

тогда повеселиться.

Заборы остались позади, такси, кажется, въехало на территорию какого-то завода. Над дорогой нависали полуразрушенные градирни и ржавые трубы, готовые рухнуть от любого дуновения ветра.

– А сейчас разучилась?

– Не, почему это? Праздники там, дни рождения: тут она выпьет без проблем.

– А вы продолжили пить, как в юности?

Антон разозлился:

– Да что ты ко мне привязался? Не пил я тогда столько, понятно?! Я и сейчас немного пью, просто часто. Тем более это ж не водка какая-нибудь, а пиво. Пить вечно хочется, ясно?! А пиво хорошо жажду утоляет.

– Гм, ну если бы вы пили мало, ваша жена не была бы недовольна? И дети тоже?

– Много ли ты понимаешь. У тебя-то кольца не видать. Что ты можешь об этом знать? Да я иначе совсем крышей двинусь! Типа от меня какие-то проблемы есть. Я вечером пришёл – и спать. С утра встал – и на работу.

– Но, получается, что и помощи от вас никакой? – Водитель прибавил скорости.

– Да какая там может быть нужна помощь, – вновь отмахнулся пассажир. – Дети мелкие ещё совсем. Чего им там? Игрушку дал – они и счастливы. А сама она девочка взрослая: разберётся. Со мной возни... Почти не бывает никогда.

Антон быстро отвёл взгляд и уставился в окно. Водитель взглянул на него.

– С вами возни? О чём это вы?

Антон начал злобно сопеть.

– Диабет у меня, ясно?

– И вы с таким недугом пьёте каждый день? – поразился водитель.

Пассажир скривился:

– Ой, вот только не начинай, ладно? Как мой врач начинаешь морали читать. Тот тоже вечно начинает: «Вы опять пришли с перегаром» или «Я вас сейчас госпитализирую и под капельницу». На прошлой работе такое же было нытьё: видите ли, я хожу по заявкам пьяный. Ну и что? Подумаешь. Главное, что работа сделана, верно? Я ж не много пью. За раз. И уколы вовремя делаю. И даже пробовал диету соблюдать. Но на гречку я больше смотреть не могу. Пробовал есть гречку каждый день целый год? Тоска зелёная. Уж лучше сдохнуть!

– Так значит возня с вами – это...

– Да, – кивнул Антон, – пару раз в реанимацию попадал, чуть в сахарную кому не проваливался. Но откачивали, как видишь. Первый раз перепугался аж до дрожи, когда в реанимации очнулся.

– И выводов вы никаких не сделали?

– Сделал, конечно. Пить бросил. На месяц где-то или около того. Потом, конечно, снова начал, но аккуратненько, по

чуть-чуть. Знаю, знаю, что ты сейчас скажешь. Как же ты, мол, потом ещё раз в реанимацию попал. Тут такое дело: то утомишься на работе, то инсулин некачественный, то просто сахар падает и всё, никак его не поднимешь. Так что алкоголь тут ни при чём, точно тебе говорю. А один раз дома грохнулся в обморок, представляешь? Хорошо, что жена ночью в туалет пошла: увидела меня в коридоре, скорую вызвала. Те приехали, укол поставили. Прихожу в себя и не понимаю, где нахожусь: надо мной потолок и врачи рядом. Говорят, что если б жена меня не увидела, то к утру бы всё, встречай-приехали. Дочек тогда ещё перепугал видом своим жёлтым.

– Вы же понимаете, что везение не может длиться вечно? Что однажды вы так умрёте?

– Ну и что? – пожал плечами Антон.

– Как это «что»? – удивился водитель. – Вы что, хотите умереть?

– Да нет, – вновь пожал плечами Антон, – просто как-то пофигу, помру я или нет.

– А как же ваши дети? Они останутся без отца. Каким бы вы ни были, для них вы – самый дорогой человек на земле. А ваша жена? Она же останется одна с двумя детьми.

– И без работы, – кивнул Антон, – она домохозяйка у меня. Детьми занимается.

– Тем более. И вас это совсем не беспокоит?

Антон в очередной раз пожал плечами и уставился в ок-

но. Такси обогнуло замерший давным-давно грузовик, обтянутый рваным тентом и по бокам дороги вновь потянулись серые бетонные заборы, кое-где исписанные граффити.

– Не пропадут, – наконец ответил Антон. – Найдёт себе кого-нибудь. Или батя мой поможет, в крайнем случае. С голоду не помрут небось. Да и ты так говоришь, типа я с моста сегодня прыгать собрался. Помирать не собираюсь.

Водитель смотрел на него без всякого интереса и даже с какой-то скукой.

– Неужели у вас нет каких-то целей, стремлений? Есть много вариантов, чем можно заняться, кроме пива по вечерам. Особенно, если оно вас убивает, в буквальном смысле.

– Да ну.

Воцарилась тишина. Пассажир снял обручальное кольцо и задумчиво крутил его между пальцами. Водитель молча качал головой. Такси неслось сквозь тьму, обдавая бетонные заборы мутными брызгами.

– Ну хорошо, – не выдержал водитель, – а в детстве? Кем вы хотели стать в детстве?

– Не помню, – в очередной раз пожал плечами Антон, – наверно, как все: космонавтом там, или президентом. Но это ж всё глупости. Все эти мечты ни к чему простому человеку. Только потом зря расстраиваться что вот ты мечтал, мечтал, а потом ничего не получилось. Проще надо быть, вот как я. Окончил школу, потом выучился какой-то профессии в универе – батя заставил поступить. Даже не помню, чего в ди-

племе написано. Какой-то проектировщик вроде. Ну и вон, теперь работаю. Раньше получше работа была, попроще, я тебе говорил, но выгнали за синьку. Теперь горбом своим приходится на хлеб зарабатывать.

– И это вас ничему не научило?

– Да какая разница, – снова пожал плечами Антон. – Что там работа, что тут работа. Тут просто грязнее.

– А зачем же вы тогда женились?

Антон искренне удивился:

– Я ж тебе объясняю: делал, как все. Все себе тёлку находили и я нашёл. Красивую! Ну, щас-то она, понятно дело, уже не такая красивая. Было бы бабок побольше, то и щас была бы ничего. Знаешь, там шмотки модные, макияж какой-нибудь, марафет.

– И детей завели, потому что все так делали?

– Во, ты наконец-то начинаешь понимать.

– И вам их совсем не жалко? Ведь дети любят родителей вне зависимости от того, как они себя ведут. Вы же для них пример лучшего мужчины на свете. И всегда им будете, несмотря ни на что. Я слышал истории, как трёхлетняя девочка приносила игрушечного доктора своей маме, чтобы тот её полечил и она наконец сделала им обеим завтрак. А мама, при этом, лежит в луже собственной блевотины после наркотического прихода. А за час до этого эта мама ни за что избивала эту трёхлетнюю девочку! Но девочка всё равно бесконечно любила маму! И несла ей доктора, чтобы доктор

помог. Спас маму, чтобы мама больше никогда не ругалась и не дралась. И ничего в этой истории не мешало маме просто любить свою дочь!

Антон молчал.

– А ваша жена? – продолжал водитель. – Как бы она от вас не отстранилась, она до сих пор с вами. До сих пор терпит вас. Почему? До сих пор прислушивается к вашему дыханию по ночам, чтобы вызвать скорую помощь в случае чего. Почему она это делает? Может быть, потому что до сих пор любит вас? Потому что искренне верит, что в одно прекрасное утро вы всё поймёте и вернётесь к ним? А ваши собственные мама и папа? Они ведь любят вас, что бы вы ни сделали. Сколько они шли к тому, чтобы вырастить вас и дать вам всё необходимое? Чем им приходилось жертвовать? И вы тратите этот дар даже не на ерунду. Вы тратите это... Не на что? Но, думаю, вы все эти разговоры слышали не раз. И ни разу они не подействовали.

Пассажир нехотя кивнул.

Такси остановилось на каком-то пустыре, заскрипел рычаг ручного тормоза.

– В таком случае и нет смысла продолжать этот разговор, – подытожил водитель. – Мы приехали.

Эпилог.

С трудом открыв заднюю дверь, на сиденье вскарабкался мальчик лет семи. Водитель перегнулся через сиденье и сам захлопнул дверцу за ним. Мальчик был одет в бордовый свитер со смешным оленем и чуть помятые серые брючки. Умные голубые глаза светились интересом. Мальчуган без страха озирался вокруг себя. Такси медленно тронулось в путь по пустым городским улицам.

– Как тебя зовут, малыш?

– Лёша, – спокойно ответил мальчик, засунув ладошки под себя.

– Лёша, – протянул водитель. – Красивое имя. В какой класс ты ходишь, Лёша?

– В первый, – так же спокойно ответил он.

На секунду водителю показалось, что одежда маленького пассажира мокрая насквозь. Лёша часто ежился от холода, хотя в машине было достаточно тепло.

– Нравится в школе?

Мальчик энергично закивал. Он оставался спокойным, но, как и все дети, избегал прямого взгляда незнакомого взрослого. Водитель старался смотреть на него неотрывно, ловя каждое движение.

– А маме с папой помогаешь?

– Угу, – промычал мальчишка. – Люблю помогать маме

месить тесто для ватрушек. Оно такое сладкое! А с папой мы играем в морской бой, шахматы и ещё чиним папину машину. Я умею подавать ключи! Знаю, где какой лежит!

– Ого, – добродушно воскликнул водитель. – Ну а сам ты чем любишь заниматься? У тебя есть любимые занятия?

– Угу, – вновь промычал Лёша и замялся. – Люблю в компьютер играть и смартфон. Ну, всякие стрелялки люблю. А ещё у меня есть игра, которая учит меня английскому и китайскому! Папа говорит, что ему учительница сказала, будто я самый умный в классе! Только это секрет: не говорите маме, а то она решит, что я буду зазнаваться. А я не зазнаюсь, честное слово!

– Ничего не скажу маме, – серьёзно пообещал водитель. – А с друзьями любишь гулять? У тебя есть друзья?

– Конечно! У меня много друзей. Мы с ними обычно играем на площадке там, за третьим домом, – мальчик неопределённо махнул рукой куда-то вдаль. – А завтра мы пойдём с ребятами на речку. Миша обещал нам показать классный обрыв. Папа говорит, что сейчас весна, что только лёд сошёл и купаться ещё рано. Но посмотреть на обрыв можно же и сейчас, правда?

Водитель промолчал и остановил машину.

– А тебе точно нужно туда ехать? – спросил водитель.

– Конечно, – спокойно ответил мальчик. – Куда же мне ещё теперь? Я ведь уже так много видел и знаю! Столько всего интересного видал в мире! Жалко только, что мама с

папой будут плакать. А я буду по ним очень скучать. Честно-честно.

Мальчик поднял на водителя спокойные, очень умные и всё понимающие глаза.

– Так что, – спросил Лёша, – мы уже приехали?

Водитель завёл двигатель, развернул машину и они на полной скорости поехали в обратную сторону.

– Я отвезу тебя обратно.

– Почему? – глаза мальчика стали большими.

– Потому что тебе нечем мне заплатить.

– Да, я знаю, у меня нет с собой монетки...

– Я давно не беру плату монетой, – беззлобно перебил его водитель. – Я беру плату историями. У тебя своей ещё нет, поэтому я отвезу тебя назад.

Вдалеке перед ними показались всполохи проблесковых маячков: синих и красных. Они озаряли пустые улицы непривычным, таким отличающимся от жёлтых фонарей светом. Где-то на грани слышимости зазвучала сирена скорой помощи. Водитель гнал изо всех сил.

– Но, – мальчик непонимающе вертел головой по сторонам, – вы сегодня везли маленькую девочку – Луу и получается, что ей тоже было нечем заплатить.

Водитель не без интереса посмотрел на Лёшу. Глаза таксиста блеснули:

– Ту девочку позади не ждало ничего хорошего. Если бы её мама не шагнула с ней в окно, впереди бы их ждало очень

много боли и страха. Это был выбор её мамы, а не её, но теперь Луа получит горы мороженого, о которых так мечтала и не будет переживать о маме. Кроме того, могу я сделать небольшое исключение?

– Исключение?

Машина остановилась. Салон такси заливал красно-синий свет мигалок. Теперь сирена звучала громко и отчётливо. Кажется, на её фоне можно было разобрать встревоженное бормотание нескольких голосов.

– Именно, – ответил водитель. – Впереди тебя ждёт много всего интересного. Ты совершишь много хорошего и важного. А в моё такси сядешь гораздо позже. До встречи, малыш.

Лёша открыл дверь. Такси стояло возле массивного здания в несколько чёрных этажей. Сирена оглушала, свет ярко бил в глаза, но откуда он шёл – неясно. Встревоженные голоса звучали отчётливо. Это были голоса врачей, борющихся за чью-то жизнь.

– Спасибо, дядя, – мальчик уже собирался вылезти из такси, но остановился. – Дядя, а как вас зовут?

– Харон, – водитель блеснул глазами.

– До свидания, дядя Харон.

Сирена, голоса и свет пропали, как только мальчик захлопнул дверь. Перевозчик душ заглушил двигатель. Мерзкие дворники наконец перестали скрипеть и стекло вновь заливало потоками воды. Дождь отчётливо барабанил по крыше. Харон устало положил руки на руль и откинулся на спин-

ку сиденья.

«Интересный мальчуган, – подумал он, – пошёл гулять с друзьями, но оступился и упал с обрыва в реку. Если бы не случайный прохожий, то никакие мои исключения бы ему не помогли. Сегодня вообще было много интересных историй. Кто там у нас был?

Анатолий, чиновник. Его застрелили в вонючем подъезде за то, что он потребовал слишком большую взятку. Три выстрела в грудь.

Кто там дальше? Ах да, военный. Джон. Ему оторвало ноги взрывом мины и он умер, не дождавшись помощи. Один, в лесу.

Инесса, старая медсестра. Такая милая женщина. Тихо ушла во сне. Она ведь прекрасно понимала, куда она едет, ждала встречи с мужем.

Бедная Джесси и малышка Луа. Девушка взяла дочку на руки и вышла из окна двенадцатого этажа. Они упали на козырёк подъезда, промучились ещё два часа, прежде чем уйти в Пограничье. Но если бы я их не отвёз, было бы гораздо хуже. Скоро мама согласится с дочкой: там нет тревог и бед. Всё это осталось по другую сторону Завесы.

Так, кто еще? О, Пэт! Как поздно он спохватился. А я ведь ему намекал про ту несчастную проститутку, с которой они разбились в суперкаре на полной скорости. Всё могло кончиться совсем иначе.

Павел. Такой грустный. Но чего его жалеть? Он победил

все невзгоды и тихо ушёл вечером, сидя перед телевизором. Жалко, конечно, что в последний миг не видел дочь. Она расстроится, ведь папа ушёл в её день рождения.

Зловонная история Джейсона. Вот кого точно не хотелось везти. Стоило бы его бросить здесь: бродить вечно в Пограничье. Но тогда он бы иногда попадался мне на глаза и выводил из себя. Его застрелили полицейские, когда наконец-то вышли на его след и попытались задержать.

Простая история вышла у Чейза. Хотя жил он правильно и ярко. Так, что с ним стало? Хм, погиб под завалами на выезде. Приехал спасать людей после взрыва газа в жилом доме и на него с напарником рухнули верхние перекрытия.

Оля. Такая бойкая. Настоящая зажигалка. Так и не довела ни одного дела до конца. Ну, уже и не доведёт. Всё закончилось на пешеходном переходе, когда она спешила на занятия по йоге. М-да. Грузовик, на полной скорости. Никаких шансов. Кто за рулём? Впрочем, неважно.

Ну-с, кто остался? А, Лаура. Примерная мать, пятеро детей. Молодец. Жаль, что поздно стала себя ценить, уже по эту сторону. Вся эта жертвенность, игнорирование боли убили её. Она умерла от инсульта, пока готовила обед. Её дети будут очень скучать по ней.

Нейрохирург Ксандр. Сложный человек. Он заходил в магазин после смены, когда оттуда выскочил грабитель. Бандиту нужны были те шикарные часы, которые подарили Ксандру коллеги. И тот был готов их отдать, но от волнения никак

не мог расстегнуть ремешок. Грабителю это не понравилось, он ударил беднягу ножом и убежал, забыв про часы. Удар пришёлся в сердце и Ксандр умер. А боялся, что его убьёт характер.

Алла. Такая наивная, добрая девушка. Она же искренне верила, что доживёт до времён, когда все люди будут счастливы. Да. Она ведь могла не садиться на тот борт, не лететь к сестре. Но она села, у самолёта в полёте взорвался двигатель и она погибла вместе со всеми пассажирами.

Уничтоживший себя Антон. Даже сказать нечего. У него было всё для хорошей, спокойной жизни, но он выбрал диабетическую кому и смерть.»

Харон мотнул головой и вновь завёл двигатель. «Ладно, – подумал он, – впереди ещё много работы». И такси вновь отправилось в путь.